

ИСТОРИЯ ФРАНЦИИ

С древнейших времен
до Версальского договора

Уильям Стирнс
Дэвис

Уильям Стирнс Дэвис

**История Франции. С древнейших
времен до Версальского договора**

«Центрполиграф»

УДК 94(44)
ББК 63.3(4)

Дэвис У.

История Франции. С древнейших времен до Версальского договора
/ У. Дэвис — «Центрполиграф»,

ISBN 978-5-9524-5208-4

Уильям Стирнс Дэвис, профессор истории Университета штата Миннесота, рассказывает в своей книге о самых главных событиях двухтысячелетней истории Франции, начиная с древних галлов и заканчивая подписанием Версальского договора в 1919 г. Благодаря своей сжатости и насыщенности информацией этот обзор многих веков жизни страны становится увлекательным экскурсом во времена антики и Средневековья, царствования Генриха IV и Людовика XIII, правления кардинала Ришелье и Людовика XIV с идеями просвещения и величайшими писателями и учеными тогдашней Франции. Революция конца XVIII в., провозглашение республики, империя Наполеона, Реставрация Бурбонов, монархия Луи-Филиппа, Вторая империя Наполеона III, снова республика и Первая мировая война... Автору не всегда удается сохранить то беспристрастие, которого обычно требуют от историка, но это лишь добавляет книге интереса, привлекая читателей, изучающих или увлекающихся историей Франции и Западной Европы в целом.

УДК 94(44)

ББК 63.3(4)

ISBN 978-5-9524-5208-4

© Дэвис У.

© Центрполиграф

Содержание

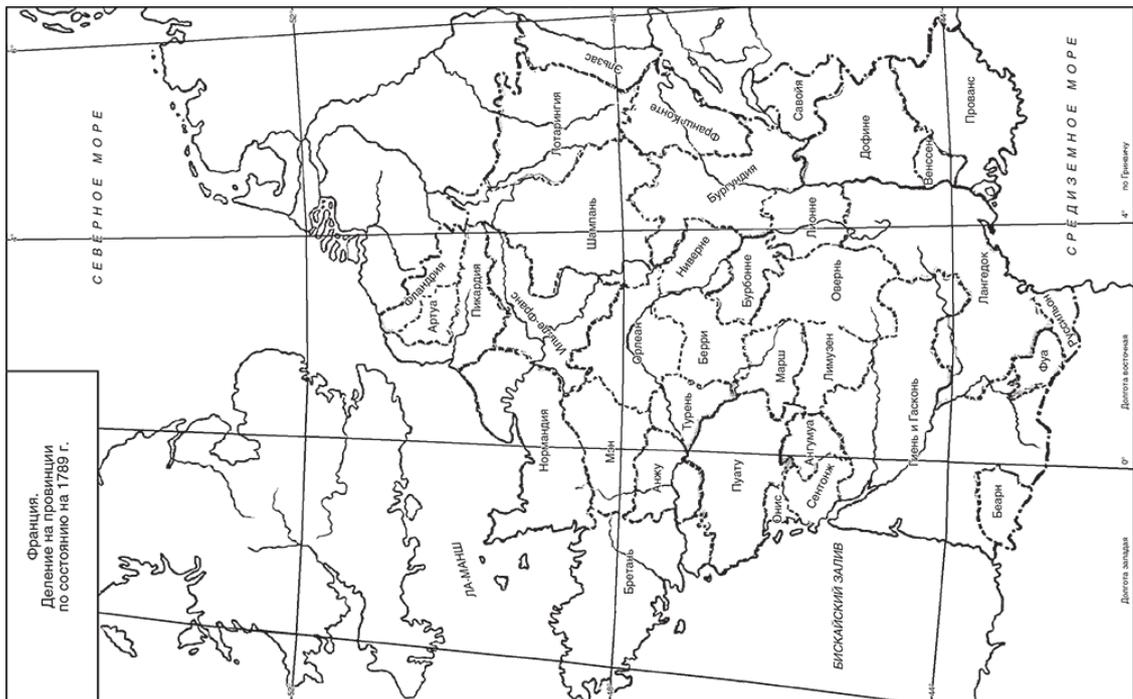
Глава 1. Земля галлов и французов	6
Глава 2. Римская провинция и Франкское королевство	10
Глава 3. От франков к французам	22
Глава 4. Золотой век феодализма (996—1270)	30
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Стирнс Дэвис Уильям

История Франции. С древнейших времен до Версальского договора

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2016

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2016

Глава 1. Земля галлов и французов

Выходы к морю. Система Луары. Плодородие страны

В 1869 г. выдающийся француз, бывший премьер-министр, начал длинное повествование об истории своего народа такими словами: «Франция расположена на земле давно цивилизованной и христианизированной, на которой, несмотря на многие несовершенства и нищету для многих, 38 миллионов людей живут в мире и безопасности по законам, которые одинаковы для всех и эффективно охраняются»¹. Это утверждение было еще более верным в 1914 г., накануне Великой войны. Но для того чтобы понять историю любой страны, совершенно необходимо узнать о ее географии. Географические факторы, несомненно, повлияли на историю Франции так же сильно, как на историю любой другой крупной страны Старого Света, за исключением, возможно, Англии.

Среди самых крупных или самых известных стран Европы Россия, Скандинавские страны, Германия, Голландия и Бельгия, естественно, северные: зимы там суровые, и цивилизация претерпела изменения, неизбежные в суровом климате. Великобритания и Ирландия тоже северные страны, но их жизнь сильно изменило то, что они окружены морем. Греция, Италия и Испания обращены к синему Средиземному морю. Это южные страны, страны оливок, винограда и пышных лесов. До них долетают горячие ветры из Африки, и местное население имело прямые контакты с более древними цивилизациями Востока. Но одна страна – южная и северная одновременно. В ней растут и южный виноград, и северные зерновые культуры. На ее южные берега ступала нога древних греков и финикийцев, а с ее северных гор можно увидеть утесы Южной Англии.

Эта страна – Франция, которая была удачно названа «страной-посредницей» между античной и современной цивилизациями и между Южной и Северной Европой.

Таким образом, совершенно ясно, что Франция находится в центре мировых событий. Читателю, который хочет получить общее представление о всемирной истории, французские хроники подойдут для изучения больше, чем хроники любой другой европейской страны. Франция была участницей или заинтересованной наблюдательницей почти всех больших войн и крупных дипломатических споров в течение тысячи лет. Среди религиозных, интеллектуальных, общественных и экономических движений, повлиявших на судьбу мира, очень велика доля тех, которые начались во Франции или были быстро подхвачены французами и распространились среди них вскоре после того, как зародились где-либо еще.

Но Франция географически отделена от соседей и экономически независима. В 1914 г. ее процветание, вероятно, меньше зависело от импортных товаров и внешней торговли, чем любой другой западноевропейской страны. Она была гораздо ближе к тому, чтобы самостоятельно обеспечивать себя продовольствием, чем Англия или Германия. Она могла выдержать полную изоляцию или блокаду легче, чем любое другое великое государство, кроме Соединенных Штатов, – при условии, что ее границы не были бы нарушены². Франция надежно отделена от соседей крупными естественными преградами. Ее побережье протяженнее, чем суммарная длина сухопутных границ: 395 миль береговой линии вдоль Средиземного моря, 572 – вдоль Северного моря и Ла-Манша и 584 мили берегов Атлантики и бурного Бискайского залива. На юге высокие Пиренеи отделяют ее от Испании, и это позволяло Франции чувствовать себя в безопасности даже в те дни, когда Испания была могучей и грозной. От Италии и Швейцарии

¹ Гизо.

² Конечно, в самом начале войны 1914 г. немцы захватили район угольных и железнорудных шахт на северо-востоке Франции, и это значительно усложняло ей жизнь, пока не пришли на помощь англичане и американцы.

Францию отделяет еще более надежное естественное укрепление – Альпы и их родичи – горы Юра. До 1870 г. Рейн защищал ее от Германии, но и после потери Эльзаса и Лотарингии на пути армий стояли Вогезские горы, которые было трудно перейти.

Только на северо-западе граница с Бельгией идет по полям и проведена произвольно, а не по какому-либо естественному препятствию. Только здесь ни горы, ни реки не могут прийти на помощь французским генералам, защищающим свою родину. Поэтому неудивительно, что именно через Бельгию в 1914 г. прусский милитаризм попытался проложить себе путь к Парижу, презрев права нейтрального государства и данное обещание.

Для страны Старого Света у Франции довольно большая территория. Значительно превосходит ее только Россия. Если считать по прямой, ее протяженность 606 миль с севера на юг, 675 миль с северо-запада на юго-запад (по диагонали) и 536 миль с запада на восток. Площадь Франции в 1914 г. (до возвращения Эльзаса и Лотарингии) была примерно 200 700 квадратных миль, позже, после победы над Германией, она снова стала равна примерно 206 300 квадратным милям. Корсика, итальянская по своему географическому положению, но полностью верная Франции, добавила к этой цифре еще примерно 3375. Получается, что внутри границ Франции достаточно места для больших различий в обычаях, продукции и пейзажах.

Хотя береговая линия Франции не изрезана глубокими заливами, как берега Британии, Греции или Норвегии, у Франции имеется достаточное количество морских ворот для широкомасштабной торговли и удобного общения с другими странами. На Средиземном море у нее есть Марсель, самый активный порт на этом великом море, и Тулон, ее главный военный порт. На Бискайском заливе она имеет Бордо, Ла-Рошель и Сен-Назер, аванпорт Нанта. На берегах Бретани и на Ла-Манше стоят Брест, Шербур и, главное, Гавр (основной порт Парижа), а также Булонь, Кале и Дюнкерк, которые важны в первую очередь для связи с Англией.

Теперь отвернемся от морского побережья. Территорию Франции можно приблизительно разделить на три большие части – горы, Большое плато и речные системы.

Горы, разумеется, есть только на юге и юго-востоке, где границы Франции приближаются к вершинам Пиренеев и Альп. Эти местности живописны и интересны, но не настолько велики по размеру, чтобы внести значительный вклад в общую жизнь страны.

Большое Центральное плато занимает примерно половину южной части Франции, но отрезано от Альп широкой и глубокой долиной Роны. Многие части этого плато практически ровные и лишены красивых пейзажей, но примерно одна седьмая территории Франции занята большим Центральным горным массивом, который расходится лучами во все стороны от Оверни. В некоторых местах он имеет высоту от 3300 до 4 тысяч футов, а его остроконечные вершины поднимаются выше 6 тысяч футов. Верхние участки этого плато практически лишены растительности; их земля дает сравнительно малочисленному населению лишь скудные урожаи. На южной стороне плато находятся Севенны, горы внушительного размера, высота которых может превышать 5 тысяч футов. Они отрезают теплый Лангедок и равнины нижнего течения Роны от менее плодородных равнин области Руэрг. Другие части Большого плато – Лимузен и Марш, где оно местами достигает высоты 3300 футов. На северо-востоке, ближе к Германии (между Мёзом-Маасом и Мозелем), находится еще одно плато – Арденны, где есть участки высотой от 1000 до 2400 футов. Оно покрыто лесами и разделено на части множеством заболоченных впадин, оврагов и плодородных долин. Поскольку Арденны лежат точно на пути армий, проходящих между Францией и Германией, их положение на местности определило маршруты и расстановку войск во многих знаменитых кампаниях и сражениях.

Но французов, живущих в длинных речных долинах, гораздо больше, чем тех, которые живут на Большом Центральном плато. Общая длина судоходных рек Франции превышает 4300 миль, и еще 200 миль речных русел были превращены в каналы. Кроме того, Франция легко научилась строить обычные каналы, и теперь их в ней больше 2 тысяч миль. Благодаря этому сочетанию рек и каналов значение речного судоходства во Франции гораздо больше,

чем почти в любой другой европейской стране. Задолго до появления железных дорог системы каналов и рек делали сравнительно легкой задачей перевозку тяжелых грузов из одного конца этой страны в другой, и это служило мощным стимулом к объединению страны. Такого преимущества не было у стран, которые в транспортном отношении сильнее зависели от телег и вьючных лошадей. Даже сейчас, в эпоху железных дорог, речные баржи составляют значительную конкуренцию товарным поездам.

Тот, кто проехал бы вдоль всех морских побережий Франции, увидел бы, одну за другой, целый ряд крупных рек. На берегах каждой из них стоит множество знаменитых городов и живут миллионы преуспевающих людей. Без жителей речных долин Франции бы не было.

Если начинать с юго-запада, то первая в этом ряду рек – Гаронна. Она начинается в Испанских Пиренеях, но принимает в себя много притоков с Центрального массива. Этот поток длиной 346 миль собирает воду с территории площадью 22 080 квадратных миль, перед тем как к нему присоединяется немного менее полноводная Дордонь, которая берет начало на высотах Оверни. Дордонь пробивает себе путь через плато, а потом блуждает по живописной местности, засаженной виноградниками. Этот прекрасный край продолжается там, где эта река сливается с Гаронной, и они продолжают свой путь, став более известной Жирондой. Фактически Жиронда – это дельта впадающей в море реки. На расстоянии 15 миль от ее устья стоит Бордо, один из крупнейших портов Франции, и вдоль ее берегов расположены некоторые из самых прославленных виноградников в мире, из урожая которых изготавливают знаменитое марочное вино медок.

Двигаясь от устья Жиронды на север, путешественник долго не встретит ни одной крупной реки, впадающей в Бискайский залив. Затем он увидит главную реку страны – Луару. Луара, несомненно, основная водная артерия Франции. Ее протяженность 670 миль. Извиваясь, она спускается с гор и потом проделывает долгий путь до восточной части страны. Она собирает воду с обширной территории площадью 46 750 квадратных миль, на которой живут 7 миллионов французов. Луара рождается в гористой местности немного западнее нижнего течения своей главной соперницы, Роны, поворачивает на север и подходит к Парижу на расстояние меньше 70 миль, потом разворачивается на запад возле Орлеана, после чего, быстрая и сильная, питаясь десятками полноводных притоков, неутомимо движется к Атлантике. Области, расположенные вдоль ее берегов, – настоящее сердце Франции. Это области Орлеан, Турень, Анжу и – вдоль более широких границ ее долины – Берри, Мэн и Пуату. Их имена прочно вписаны во французские исторические хроники. В широкой долине Луары находится прекрасный цветущий край зерна и винограда, по которому расставлены знаменитые замки. Вот названия лишь немногих из них: Блуа, Амбуаз, Шинон, Лош. А из числа столь же знаменитых городов, которых касаются быстрые воды Луары, достаточно назвать Орлеан, Тур, Сомюр, Анжер и Нант.

К северу от Луары протекает вторая особенно дорогая французам река – Сена. Она, несомненно, гораздо меньше Луары: ее длина только 485 миль, и она собирает воду с 30 030 квадратных миль. Но она, как Тибр, Темза и Гудзон, стала известна благодаря славе стоящих на ее берегах городов и их великому прошлому. На притоке Сены Марне (название которой тоже отмечено в истории) стоит Шалон, от окрестностей которого пришлось повернуть назад ордам Аттилы. А на реке Вель стоит Реймс – город, оставивший в истории вечную и печальную память. Сена течет по прямой через Нормандию, и там на ее берегах стоит величавая столица Нормандии – Руан. В устье Сены расположен Гавр, процветающий морской порт. Но конечно, главная отличительная черта Сены то, что она – река Парижа, города, который так часто казался местом, где бьется пульс Франции.

На крайнем севере страны равнина постепенно сужается в сторону Фландрии, словно заостряясь на конце. Здесь она очень низко поднимается над уровнем моря. Реки в этой местности малы, текут медленно и во многих случаях превращены в каналы. Земля в этих краях

– Пикардии, Артуа и Французской Фландрии – плодородна, правда, пейзажи немного однообразны. Здесь расположены крупнейшие угольные шахты страны, а также крупные города с активной деловой жизнью – Лилль и Амьен. Но у этой местности, которая не относится ни к Большому плато, ни к Большим долинам, мало отличительных черт.

Во Франции есть еще одна могучая река, хотя и сыгравшая в истории страны менее важную роль, чем Сена, Луара и даже чем Гаронна-Жиронда, – это Рона. Ее длина 507 миль, и она собирает воду с площади 38 180 квадратных миль, но одна десятая этой территории находится в Швейцарии. Рона зарождается в Сен-Готардских Альпах и вытекает из Женевского озера. Возле Лиона (второго по величине города Франции) с этой рекой сливается длинная и мощная Сона, спустившаяся с севера. Затем этот объединенный поток катится на юг по еще одной богатой долине с рядами виноградников вдоль границ, пока, после долгого пути, возле Авиньона земля не становится вдруг гораздо менее плодородной и менее привлекательной. Поток, который стремительно мчался вниз с чистых альпийских ледников, заканчивается возле Средиземного моря грязной дельтой, полной ила и песка.

Климат большой страны, которую обслуживают эти реки, разумеется, весьма разнообразен. В целом это один из лучших климатов в мире, «менее континентальный, чем в Центральной Европе, и менее морской, чем в Англии». Самая холодная часть страны, разумеется, Большое Центральное плато, где зимы часто бывают суровыми, хотя за ними следует чересчур жаркое (с точки зрения американца) лето. Северо-восточные части плато, Шампань, Лотарингия и область Вогезов, имеют континентальный климат, очень похожий на климат Германии и Австрии. В течение зимы там бывает в среднем 85 морозных дней, хотя на равнинах редко выпадает много снега. В речных долинах климат мягче. В Париже среднее количество морозных дней в году лишь 56. Правда, дождливых дней бывает в среднем не меньше 154 в год, но дожди редко идут подолгу, и общая средняя сумма выпадающих осадков за год – всего 20 дюймов. Для Бретани – мощной опоры, которую Франция выставила вперед, чтобы не перевернуться под напором Атлантики, – характерен влажный морской климат, очень похожий на климат юго-запада Англии. Область Бискайского залива и Гаронны, несомненно, теплая и сухая. Что касается юго-восточных областей к югу от гор, то есть Лангедока и Прованса, там климат просто знойный, если не считать то время, когда дуют частые и ужасные мистральи. Эти мощные ветры обрушиваются вниз с Севенских гор, очищают воздух и оттесняют влагу в море, оставляя юго-восток таким сухим, что в Марселе бывает всего 55 дождливых дней за год.

Такая страна не может не иметь богатую и разнообразную природную флору и фауну и столь же разнообразную и обильную продукцию сельского хозяйства. Южная Франция – страна оливковых деревьев, винограда и шелковицы. В Северной Франции выращивают зерно и разводят сады, как в Англии и Германии. В стране удивительно много (учитывая, как долго в этой местности живут люди) лесов. За ними заботливо ухаживают, ничем не нарушая при этом их природную красоту. Накануне Великой войны государство, состоящее из местных коммун, имело в своей собственности больше 10 тысяч квадратных миль покрытой лесами земли и, кроме того, большие участки лесов принадлежали частным лицам. Эти леса не просто улучшали здоровье населения, но и помогали Франции не превратиться в искусственную страну. Ее природа не была слишком грубо оттеснена «цивилизацией».

Этот беглый обзор природного дома древних галлов и современных французов можно закончить так: Франция – местность, которая по своему географическому положению и размеру, по величию своих рек и по разнообразию рельефа, в том числе гор, прекрасно приспособлена к тому, чтобы быть домом могущественной нации.

Глава 2. Римская провинция и Франкское королевство

Завоевание Галлии Цезарем. Романизация Галлии. В Галлию проникает христианство. Крушение Западной Римской империи. Хлодвиг и христианство. На какие части делилась страна франков. Вторжение мусульман. Пипин Короткий. Рост значения усадеб

Около 600 г. до Рождества Христова маленький флот галер из города Фокеи в Азиатской Греции отважно проложил себе путь в западную часть Средиземного моря и пристал к берегу в бухте там, где теперь стоит город Марсель. Моряки принуждением или уговорами убедили местных вождей разрешить им создать на этом месте поселение – «основать колонию», как говорили греки. Вскоре пришельцы основали там город с храмами, рыночной площадью, крепостными стенами, должностными лицами и основными обычаями коренных эллинских городов. Правда, эти отважные поселенцы оказались далеко от своих родных домов, стоявших на берегу Эгейского моря «под синим ионийским небом». Но это было время, когда греки были предприимчивыми мореплавателями и их моряки исследовали все уголки Средиземного моря так же, как позже испанцы искали «золотые Индии». Финикийцы, уже имевшие монополию на торговлю в этих морях, нахмурились при виде незваных гостей и сделали все возможное, чтобы прогнать их прочь, но их старания были напрасными. Поселение укоренилось на своем месте, процветало и побеждало своих врагов, хотя было самой дальней из всех греческих колоний. С основания этой колонии, которая получила название Массалия, начинается история страны, которая в более поздние эпохи стала называться Франция. До возникновения Массалии эти земли были всего лишь домом диких племен. Теперь у них появилась связь с цивилизацией.

Людей тех племен, с которыми греки из Массалии торговались и обменивали товар на товар, обычно называют именем галлы. Вероятно, они к тому времени уже долго жили в этой местности, вытеснив оттуда какой-то более древний и еще более примитивный народ. Эти галлы были в основном кельтами – представителями большой расы, которая расселялась тогда по большей части Западной Европы, за исключением только Южной и Центральной Италии. Их родичи в то время проникали в Испанию и на Британские острова, а в Шотландии, Уэльсе и Ирландии³ и сейчас есть много чистокровных кельтов.

Когда греки впервые встретились с галлами, те были совершенно неприрученными дикарями, рыжеволосыми, с тяжелыми кулаками. В своих основных обычаях, добродетелях и пороках они имели много общего с индейцами-ирокезами. Однако, общаясь с греками, галлы многому научились – усовершенствовали свое оружие, более или менее приспособились к жизни в городах и объединили свои крошечные кланы в более крупные племена под властью королей или вождей-олигархов. Они также создали особую разновидность религии. Мы мало знаем о религиозных верованиях, которые преподавали своим ученикам знаменитые галльские жрецы-друиды, потому что эти жрецы исполняли обряды в честь своих грубых божеств в глубокой тайне, они встречались для этого под «священными дубами» и, возможно, приносили в жертву людей. Но мы точно знаем, что они были кастой высокомерных священнослужителей, кем-то вроде индусских браминов или египетских жрецов, и что они имели огромную политическую власть над своей трепещущей в священном ужасе паствой. Остальные галлы постепенно поднимались от дикости к варварству. Обычно они жили племенами, каждый под властью своего избранного или наследственного вождя, который имел своих советчиков или духовных руководителей из числа друидов и свое войско, которое выбирало его или подтверждало его полномочия, а потом сражалось в его битвах. Ниже воинов был менее почтенный слой населения – те из мужчин, кто не был свободным, и женщины. Они занимались бесславным мирным трудом

³ И разумеется, очень заметен кельтский элемент во Французской Бретани.

– возделывали поля, обмолачивали зерно и растили детей, пока их господа валялись на медвежьих шкурах, пили много спиртного – напитков домашнего приготовления или более тонких вин, купленных у греческих торговцев, играли в азартные игры, ссорились, охотились и ждали, пока их позовут в бой. У каждого клана, как правило, был свой центральный «город» из круглых хижин с плетеными стенами. Если клан был сильным, этот город, вероятно, стоял на вершине холма и был окружен грубыми, но грозными деревянными и земляными укреплениями. Или же город мог быть защищен рвами и укрыт в глухом темном углу, среди лесов и болот.

До того как римляне вступили на эту землю, на ней уже появились признаки более высоко развитого общества. Клань объединялись в союзы, которые занимали большие территории. Некоторые вожди и племена чеканили деньги, и на монеты были нанесены греческими буквами грубые надписи. Торговцы из Массалии или Италии привозили галлам с юга ткани, различные изделия из металла и вина и обменивали все это на меха, шкуры и другое необработанное природное сырье. Иначе говоря, эти «галльские» племена кельтов, будь они предоставлены самим себе, через несколько столетий могли бы развить у себя настоящую цивилизацию – если бы их оставили в покое.

Но их не оставили в покое. Римляне расширяли свои владения, и невозможно было сопротивляться их экспансии. Уже около 122 г. до н. э. они захватили крайний юго-восток галльской территории – тот край вдоль берегов Средиземного моря, который позже стал называться Прованс. (Это название происходит от слова «Провинция»: он был назван так потому, что был римской провинцией, в отличие от остальной Галлии.) Но это был не очень большой по площади округ, и при жизни двух поколений великие италийские завоеватели довольствовались малым – имели лишь немного больше, чем цепь крепостей, которые господствовали над большой стратегически важной дорогой из Италии в Испанию. Тем не менее римское влияние постепенно проникало дальше на север. Почти в каждом клане и племенном союзе среди вождей была партия сторонников Рима, которые считали, что движение римлян невозможно остановить, а потому лучше его приветствовать, чем сопротивляться, но была и партия противников Рима – «патриотов», которые громко возмущались этим постепенным вторжением южных соседей на галльские земли и всегда имели мощную поддержку у друидов. А потом, в 58 г. до н. э., в Галлию вошел величайший за много столетий человек в античной истории, а возможно, самый великий из людей во всей истории человечества – сам Гай Юлий Цезарь.

Цезарь желал покорить Галлию отчасти потому, что такая победа принесла бы ему славу и богатство, в которых он нуждался, чтобы увеличить свои шансы стать монархом Рима на развалинах разрушавшейся Римской республики, а отчасти потому, что ради безопасности античного мира действительно было необходимо силой выгнать Галлию из ее тогдашнего состояния – прекратить буйство варваров и установить цивилизацию и порядок. А предлогов для вторжения у него было много. Грозные германские племена (более варварские и воинственные, чем сами галлы) были готовы переправиться через Рейн и завоевать всю Галлию. Многие галльские вожди и партии, встревоженные этой угрозой, были готовы позвать на помощь и впустить на свои земли римлян. Других вождей умелый политик Цезарь быстро привлек на свою сторону благодаря своей тактичности и умению убеждать. За девять лет этой войны Цезарь редко использовал в ней больше 50 тысяч италийских солдат, но это были самые дисциплинированные легионеры Рима, и возглавлял их военачальник, который не имел себе равных. Поэтому завоеватели смогли захватить и подчинить себе почти всю Галлию, прежде чем медленно думавшие галлы поняли, что римляне собираются остаться в их стране. Тогда галлы не успели прекратить вражду между собой и организовать сопротивление. А потом было уже поздно: Цезарь захватил выгодные позиции и проник глубоко внутрь страны. Галлы нашли себе действительно талантливого и вдохновляющего предводителя – вождя по имени Верцингеторигс, который стал настоящим национальным героем. Он воодушевил галлов, и почти во всей стране вспыхнуло безнадежное восстание против Цезаря. Но его сотни тысяч недисци-

плинированных новобранцев были легкой целью для дротиков и коротких мечей легионеров. Цезарь быстро загнал его в крепость Алезию (недалеко от Дижона), отразил все попытки галлов привести подкрепление и с помощью голода заставил вождя восставших сдаться. На этом, в сущности, закончилась история доримской Галлии. К 50 г. до н. э. эта страна была полностью покорена и стала такой покорной, что немного позже Цезарь смог увести из нее почти все свои войска за Рубикон, когда отправился в Италию, чтобы основать Римскую империю.

Как завоеватель, он беспощадно убивал врагов и конфисковал их имущество. Но после того как эта грубая работа была закончена, наступило время доброжелательности и примирения. Сначала галлам показали, что сопротивляться Риму бесполезно, потом – что быть подданными Рима совсем не плохо. Налоги были разумными. Вместо произвола угнетавших друг друга племен были установлены закон и порядок. Знатным галлам польстили, дав им римское гражданство. А те из них, кто принадлежал к высшей знати, вскоре смогли надеяться, что станут римскими сенаторами. Вербовщики нанимали в легионы тысячи галльских юношей, обещая им те же платы, долю в добыче и привилегии, которые обычно предлагались солдатам имперской армии.

Поскольку у самих галлов не было высокоразвитой цивилизации, они, как большинство варваров, оказавшихся под таким же давлением, усвоили более совершенные обычаи своих хозяев. Им было легко переименовать своих грубых богов в Юпитера, Меркурия или Юнону. Губернаторы провинций брали молодых вождей в свои дворцы как гостей и заложников одновременно и не только учили их латыни, но и прививали им вкус к произведениям Вергилия и Цицерона, а также учили восхищаться римской одеждой, обычаями римского общества и римскими учреждениями. Власти империи особенно покровительствовали основанию и постройке городов. Древняя греко-римская цивилизация была в первую очередь цивилизацией *городов*, в отличие от галльского общества, основой которого были деревни. Поэтому римляне поощряли постройку городов как важнейший шаг к латинизации. Иногда прежние кельтские общины преобразовывались по римскому образцу. Но чаще создавались совершенно новые «колонии» или «муниципии», и местных жителей побуждали селиться в них. Очень многие знаменитые города Франции были основаны именно так – непосредственно римлянами. В их число входят (назову лишь несколько из многих) Лимож, Тур и Суасон⁴. У каждого из этих городов была хартия (часто выданная самим римским императором), позволявшая его гражданам выбирать своих должностных лиц, принимать местные законы и дававшая им очень широкую автономию при условии, что налоги вовремя поступали в императорскую казну. В каждом городе были также храмы римских богов, общественные бани, амфитеатр для боев с дикими зверями и гладиаторских боев по итальянскому образцу, цирк для конных состязаний, форум для торговли и общественных собраний, курия, где собирался местный сенат, театр, где ставили латинские комедии, школы, где обучали латинскому красноречию, – в общем, все атрибуты «маленького Рима». Граждане этого города называли себя римскими именами – Юлий, Фабий или Клавдий, носили длинные тоги и очень старались забыть, что их деды сражались под началом Верцингеторигса.

Что касается управления всей страной, то Галлия долгое время делилась на шесть довольно крупных римских провинций⁵, наместники которых – проконсулы – занимались в основном проверкой налоговых счетов многочисленных городов провинции и были судьями по важным делам. Страна была настолько покорна, что на многих очень обширных террито-

⁴ Париж (его самое раннее название Лютеция) был очень маленькой крепостью на острове посреди Сены, когда римляне захватили его в 52 г. н. э. Под их властью к 100 г. н. э. он стал превращаться в большой провинциальный город и начал свой путь к величию.

⁵ Эти провинции были: Нарбонская Галлия (прежняя провинция, существовавшая до Цезаря); Аквитания, Лугдунская Галлия; Белгика; Нижняя Германия; Верхняя Германия. В состав трех последних провинций входили обширные территории, которые сейчас обычно не считаются частью Франции.

риях власти империи редко считали нужным держать даже один крупный гарнизон. Чтобы добиться исполнения указов римских цезарей, обычно было достаточно одних полицейских. Правда, все знали, что возле Рейна всегда стоят лагерем несколько надежных легионов. Хотя их главной задачей было не давать германским племенам проникать на запад, в империю, эти войска вполне могли получить приказ подавить любые беспорядки в Галлии, если бы возникла угроза восстания.

Таким образом, галльские провинции стали одной из самых процветающих, мирных и важных частей Римской империи. Обладание этими землями позволило цезарям установить связи с более далекими странами – с Британией (которую они завоевали в I в. н. э.) и с Германией (которую они, правда, не смогли завоевать, но в которую много раз вторгались).

Римляне даже дали галлам национальную столицу – Лугдунум (нынешний Лион). Этот город стал элегантным, его великолепные общественные здания выдерживали сравнение с теми, которые стояли на берегах Тибра. В Лугдунуме раз в год собирались представители всех галльских племен, чтобы совершить сложные обряды жертвоприношения в честь «священного императора», которому они были обязаны своим процветанием, а также (это была важная политическая привилегия) подать цезарям прошения о наказании своих обидчиков, в особенности злых наместников. Эта романизация имела много результатов. Галлы стали одними из самых верных подданных империи.

Они – во всяком случае, верхние слои их общества – почти забыли свой прежний кельтский язык. Былые племенные законы и обычаи тоже исчезли. Некоторые из самых знаменитых поэтов и ораторов позднейшей латинской литературы родились на той земле, которую мы теперь называем Францией. На берегах Роны, Луары и в особенности Мозеля стояли города и великолепные виллы, почти не отличавшиеся от италийских. Здесь Рим одержал одну из своих самых прекрасных побед. Он завоевал эту страну сначала силой оружия, а потом более достойным образом – своей более высокой цивилизованностью.

Почти триста лет после дней Юлия Цезаря галльские земли участвовали в исторической жизни только как часть великой Римской империи. Согласно эдикту Каракаллы (212 н. э.) все свободные жители этих земель стали римскими гражданами, то есть по закону стали равны народу, который первоначально правил ими. Когда империя приходила в упадок из-за грубых ошибок цезарей, плохо управлявших своим государством, из-за деградации армии и из-за существенных недостатков античной общественной системы, которая остановилась на стадии рабства и не развивалась дальше, галлам, конечно, тоже досталась часть общих бед. Начиная примерно с 230 г. н. э. эта часть империи более сорока лет терпела опустошительные набеги германских племен из-за Рейна, которые не могли отразить потерявшие теперь боевой дух легионеры. В результате этих набегов многие галльские города были разрушены. Их уцелевшие жители защищали себя новыми стенами, которые, как свидетельствуют археологические раскопки, часто строились в лихорадочной спешке. Прежнее римское общество явно катилось к гибели, но около 300 г. н. э. стало казаться, что катастрофу удалось предотвратить: в это время власть в империи взяла в свои руки новая династия талантливых императоров. Своими решительными и коренными реформами они на время обеспечили государству безопасность. Римская империя и вместе с ней Галлия получили передышку еще на сто лет.

В эти спокойные годы в Галлию, как и во всю остальную империю, постепенно проникала новая сила. Вскоре после 100 г. н. э. в этих провинциях появилось христианство. Около 170 г. н. э. в Лионе было так много христиан, что языческие жрецы и губернатор имели основания для их полномасштабного преследования. У нас есть сведения о существовавших немного позже церквях в Отене, Дижоне и Безансоне. Сохранились следы существования христианства около 251 г. в Лиможе, Туре и даже Париже (который по-прежнему был второразрядным городом). Ранние летописи не слишком ясно повествуют о начале истории галльской церкви. Вероятно, в

Галлии, как и везде, города стали христианскими задолго до того, как сельские общины отказались от суеверного почитания прежних богов. Язычники, вероятно, были повсюду в империи значительным большинством среди населения до того, как великий апостол Западной церкви, святой Мартин Турский, немного позже 350 г. н. э. обошел всю Галлию, обращая целые округа в новую веру. В любом случае несомненно, что, когда Константин Великий (306–337) и его преемники взяли христианство под свою защиту, а потом сделали его официальной религией Римской империи, население галльских земель восприняло эту перемену достаточно легко. К 400 г. Галлия официально была «христианской». Более того, она была «католически» и «канонически» христианской. Это означало, что основная часть ее населения приняла знаменитый никейский Символ веры и те формы религиозного культа, которые имели поддержку римской церкви и других крупнейших центров богословия. Грозная неканоническая «арианская» ересь (учение унитариев) имела последователей в этих краях, но не смогла там укрепиться. Неприятие арианства сыграло очень важную роль в истории Галлии: благодаря ему Галлия не была отрезана от остального мира в области мышления, когда Римская империя распалась под ударами готов и вандалов.

Около 375 г. н. э. германские племена снова начали проникать в разлагавшуюся империю. Вскоре легионы стали слишком слабыми, чтобы прогнать их прочь. Но первые нападения варваров были направлены главным образом против балканских областей. Лишь около 400 г. н. э. оборонительные рубежи на Рейне были прорваны, и «римляне» (галлы теперь охотно называли себя этим словом) задрожали от страха, увидев, как их деревни горят, а захватчики подходят все ближе.

Рим был построен не за один день, и Римская Галлия тоже была завоевана не за один день. Некоторыми ее частями варвары завладели быстро, некоторые части стойко сопротивлялись, от некоторых завоеватели вначале были временно отброшены, а в некоторых частях Галлии с захватчиками удалось заключить соглашения на условиях, позволявших германцам и галло-римлянам достаточно удобно жить вместе. Это были, конечно, плохие и печальные времена: старая цивилизация умирала в муках, а новая рождалась вовсе не благополучно. Гуманитарные науки, казалось, стали бесплодными или умерли. Города разрушались, если уже не были разорены захватчиками. Великолепная сеть римских дорог, которые покрывали Галлию, как в наше время железные дороги, приходила в упадок. Торговля и ремесла, кроме самых необходимых, почти погибали. Единственным надежным законом было право сильного. Только в церкви, и особенно в монастырях, кажется, оставалось еще надежное убежище для миролюбивых людей и хрупких женщин. Тем не менее эпоха германских вторжений – это не только разрушение и нищета. Завоеватели понимали, что те, кого они завоевали, превосходят их во всем, кроме войны. Вожди варваров охотно перенимали у римлян не только одежду, правила поведения за столом и придворные церемонии, но и делали галло-римских аристократов своими министрами и чиновниками, чтобы те управляли многочисленным местным населением: германцы сумели покорить жителей римских провинций, но не знали, как потом управлять этими людьми. Уцелели многие римские законы, а также многие особенности прежней налоговой системы. Это было время сумерек, но не полной тьмы.

Когда Западная Римская империя в конце концов перестала существовать, то есть в 476 г. н. э., большая часть Галлии уже была в руках германцев. С 412 г. грозные визиготы владели почти всей ее южной частью и сделали своей столицей Бордо. Ближе к Рейну восточной частью ее центра владели бургунды. На ее севере (любопытно, что он был полностью изолирован от Италии) вели свой последний бой остатки Римского государства во главе с «патрицием» Сиагрием. Визиготы и бургунды уже обратились в христианство, но это была неортодоксальная арианская разновидность христианской религии. Поэтому они были в очень плохих отноше-

ниях с местным духовенством и с местным населением, большинство которого составляли католики, верные никейскому Символу веры.

Таким образом, положение Галлии было совершенно неустойчивым, когда на севере заявила о себе новая сила, которая быстро накрыла своей тенью всю Галлию. Это были франки – свободный союз германских племен, который существовал на правом берегу Рейна с III в. Иногда они сражались против римлян, но чаще были – за хорошую плату – их союзниками и посылали своих воинов в армии римских цезарей. Долгое время франки не проявляли никакого желания вторгаться в Галлию. Но в V в. они постепенно начали следовать примеру своих сородичей – других германцев и стали занимать те земли, которые сейчас являются крайним севером Франции. Это было медленное, не слишком уверенное движение, потому что франки, к сожалению, не были едины. Более того, салические франки, рипуарские франки и другие племена этого союза точили свое оружие больше для сражений друг против друга, чем для борьбы против Сиагрия. В любом случае это были свирепые дикие воины и даже не ариане, а язычники с жестокими обычаями и большой охотой решать все вопросы с помощью своих боевых топоров, которые назывались «франциски» и по которым, возможно, франки получили свое имя. В 481 г. вождь салических франков Хильдерик умер, передав свою бурную власть своему пятнадцатилетнему сыну Хлодвигу⁶. Этот сын – плохой человек, но могущественный правитель – силой вписал свое имя в историю.

Хлодвиг был отвратительно аморальным даже для своей эпохи коварства и крови. Самое лучшее, что можно сказать по этому поводу, – что для избавления от зол той эпохи нужен был суровый хирург, чтобы цивилизация не погибла от анархии. И мы можем не сомневаться, что Хлодвиг никогда не отказывался применить скальпель хирурга. Этот человек отличался неустрашимой отвагой, неукротимой энергией и неисчерпаемой выносливостью, но был совершенно лишен жалости, сомнений и угрызений совести. Должно быть, его толпа смелых и закаленных воинов была безгранично предана ему с того дня, когда они подняли его на своих щитах, громко восклицая «Айе! Айе!», и провозгласили королем, а он взмахнул своим мечом и объявил, что будет править ими. В 486 г. возле Суасона он полностью разгромил Сиагрия, последнего защитника Римского государства. После этого Северная Галлия была в руках Хлодвига – точнее, оказалась в его руках, как только он смог покорить или убить всех других менее значительных франкских вождей, которые могли бы попытаться оспорить его право.

Способы, которыми он действовал, потрясли воображение отрядов, которые шли за ним, и не оставляли следа от страхов у его воинов. Однажды этот король потребовал себе в качестве добычи красивую чашу, но какой-то непокорный солдат возмутился тем, что правитель явно пытается взять себе больше чем королевскую долю, разрубил эту чашу боевым топором и крикнул: «Ничего ты не получишь, кроме того, что полагается тебе по обычаю!» Король ничего не ответил: он действительно нарушил свои формальные права. Но через год во время смотра, который король устраивал своим воинам, обидчик встал перед ним и предъявил ему для осмотра свое вооружение. «Никто не ухаживает за оружием хуже тебя!» – воскликнул Хлодвиг и с презрением бросил боевой топор обидчика на землю. Когда тот наклонился, чтобы поднять секиру, король внезапно взмахнул своим топором и разрубил несчастному воину голову, сказав при этом: «Так поступил ты с этой чашей!» Такие суровые и грубые поступки были рассчитаны очень точно: они были идеальным средством добиться беспрекословного повиновения от определенной разновидности воинов, тем более что почти всегда были оправданы своим полным успехом.

Нетрудно догадаться, что Хлодвиг был язычником. Вероятно, на него уже давно производили большое впечатление великолепные молебны и обряды, происходившие в галло-римских церквях, и политические выгоды, которые он получил бы, став единоверцем своих новых

⁶ Другое произношение этого имени – Кловис. (Примеч. пер.)

подданных – не германцев. Невозможно представить себе, чтобы он понимал хоть что-то из духовного учения христианской религии. Но ему казалось, что Белый Христос священников – видимо, очень сильный бог с «доброй магией», и это ему нравилось: такой бог, если вести себя с ним почтительно, может помочь королю в борьбе против врагов. Вскоре Хлодвиг женился на бургундской принцессе Клотильде, которая была католичкой, хотя большинство ее родных были арианами. Король не сразу принял веру своей жены, но чем дальше, тем более вежливо выслушивал ее доводы в пользу христианства. И вот в 496 г. он вел жестокий бой против соперничавшего с франками племени алеманнов. Сражение шло неудачно для Хлодвигу: его самые стойкие воины с секирами начали отступать. Прежние языческие боги франков не приходили на помощь. Настало время для отчаянной попытки. «О Господь Иисус Христос, Которого чтит Клотильда! – воскликнул король. – Если Ты дашь мне победу, я поверю в Тебя и окрещусь во имя Твое!» В ходе сражения произошел перелом, алеманны бежали, и Хлодвиг вернулся домой победителем.

У короля были все причины для того, чтобы исполнить договор и сдержать обет. Разумеется, такого бога он будет поддерживать и станет его сторонником. Хлодвиг принял христианство. Обряд крещения был великолепным и происходил в Реймсе (несомненно, в той церкви, которая была предшественницей более позднего знаменитого кельтского собора). Крестил короля почтенный епископ, святой Ремигий, который разработал для этого случая огромную процессию и религиозное празднество. Хлодвиг и 3 тысячи его могучих воинов все вместе подошли к купели. «Склони покорно шею, – приказал епископ, когда молодой свирепый король-воин приблизился к нему для крещения. – Поклоняйся тому, что раньше сжигал, и сжигай то, чему раньше поклонялся!» Это был счастливый день для епископа. Король Северной Галлии был завоеван для христианства, и притом для самого ортодоксального – католического, что тоже было большой удачей. Став католиком, он установил самые дружеские отношения с могущественным и многочисленным галло-римским духовенством. Хлодвиг в полной степени проявил религиозный пыл новообращенного, и в остальной Галлии галло-римляне католического вероисповедования были готовы приветствовать его, если бы он стал их государем вместо королей-ариан, правивших другими германскими захватчиками.

Вскоре оказалось, что Хлодвиг-христианин – еще более грозный завоеватель, чем Хлодвиг-язычник. В 500 г. н. э. он покорил бургундов. В 507 г. н. э. он сказал своим знатым людям: «Мне очень не по душе, чтобы эти арианские еретики [визиготы] владели какой-нибудь частью Галлии. Пойдем с Божьей помощью вперед, одолеем их и сделаем их землю нашей!» И святые снова благословили его копьеносцев и воинов с секирами. Почти весь юг Галлии был захвачен франками – кроме узкой полосы земли возле Пиренеев. В 511 г. этот коварный и кровожадный король наконец умер, успев разгромить почти всех своих врагов – и внешних и внутренних. С точки зрения служителей церкви, писавших наши хроники, у него все же было *одно* огромное достоинство: со дня своего обращения он был неутомимым и безжалостным защитником ортодоксального христианства. «Поэтому, – писал благочестивый историк Григорий Турский, – Бог каждый день сокрушал его врагов и увеличивал его королевство от того, что он ходил перед Богом с открытым сердцем и делал то, что нравилось Богу».

Хлодвиг оставил своим наследникам очень компактное государство. Но франкские законы были плохо приспособлены для того, чтобы сохранить королевство единым. Старший сын не был единственным наследником, а потому каждый из четверых сыновей Хлодвигу потребовал себе часть отцовского государства. Вскоре деление страны на части, а частей – на более мелкие частицы привело к настоящей вакханалии гражданских войн между кровожадными и честолюбивыми людьми. Эти войны королей – Меровингов (которых так называют по имени Меровея, одного из предков Хлодвигу) не подчинялись какой-то общей закономерности. Подданные были беспомощными жертвами разрушительных столкновений между буй-

ными королями-соперниками и между их столь же буйными воинами. Иногда страна, которую мы теперь можем называть страной франков, делилась больше чем на четыре несчастных королевства, которые сражались одно с другим. Эти королевства, как крестьянские хозяйства, делились на части, а те делились снова между спорившими между собой наследниками. Иногда какому-то одному умелому потомку Хлодвига везло, он устранял со своего пути всех своих братьев и племянников и несколько лет правил один.

Сыновья Хлодвига унаследовали от своего великого, хотя и порочного отца по-настоящему грозную власть. Но при его внуках авторитет королей стал явно уменьшаться, уступая место авторитету знатнейших франкских воинов, которые стали требовать себе должности, почести и земли в уплату за поддержку во время непрерывных войн. При правнуках Хлодвига страна была снова, как ей положено, объединена под властью одного короля, но лишь формально. Было очевидно, что монархи все больше становились игрушками в руках некоторых своих главных министров, в особенности того очень высокомерного своего чиновника, который назывался майордом (Major Domus), что значило «палатный мэр». Появились также признаки того, что королевство франков начинает делиться на три большие части согласно границам, которые были в какой-то степени естественными и пото му продержались очень долго. Этими частями были Нейстрия (почти вся северная часть современной Франции), Австразия (находилась к востоку от Нейстрии и включала в себя крайний восток современной Франции и запад современной Германии) и Аквитания (вся современная Франция южнее Луары). Дагобер (628–638) был последним королем из Меровингов, который действительно имел хоть какую-то власть. После него верховными правителями королевства франков были властолюбивые майордомы, которые становились все сильнее, а их «повелители» – короли – все слабели.

К несчастью, в королевстве не был определен порядок преемственности для этой должности некоронованного правителя, и это было губительно для спокойствия страны. Тот, кто хотел стать майордомом, должен был добиться расположения самой сильной группировки из тех, на что делились франкские *leudes* (могущественные люди), которые обычно были родом из старой земельной аристократии и называли себя потомками галло-римлян. Нужно было умиловать и церковь с ее епископами, которые имели большую власть и часто вели себя очень по-мирски. Все это означало новый ряд расколов, заговоров и войн, часто очень кровопролитных и очень личных. Майордом Австразии воевал против своего соперника из Нейстрии, а в это время Аквитания под властью наполовину независимого герцога (титул которого, «дукс», первоначально означал просто «вождь») бросала вызов им обоим. То есть в VI в., так же как в VI, цивилизация была вынуждена защищать себя, и такое положение дел казалось еще более устойчивым, чем раньше. Затем наконец наступило улучшение. На первый план вышла великая семья должностных лиц. После многих превратностей судьбы этот род, который позже стал знаменит под именем Каролинги (от Карла Великого, его самого выдающегося представителя), начал поставлять управляющих дворцом, которые правили одновременно Нейстрией и Австразией, и власть их переходила в семье по наследству. Соперники были уничтожены, беспорядки сурово подавлены. Этой династии выпала редкая удача: она произвела на свет последовательно, от отца до правнука, *четырёх* правителей, которые все были очень одаренными людьми, не тиранами и не слабаками, не гнусными политиками и не безрассудными идеалистами, которые умели и сражаться, и щадить, и командовать другими, и оставлять их в покое. Эти четыре человека сделали очень много для формирования истории всей Европы.

История семейства Каролинг – это гораздо больше, чем история Франции. Это история Германии и Италии начала Средних веков. Она тесно связана с историей возвышения римских пап и даже затрагивает прошлое Испании. Поскольку нас интересует в первую очередь Франция, нам достаточно лишь перечислить некоторые важнейшие события правления этих великих правителей, почти не говоря о том, что относится к нефранцузской части этих хроник. Вот обзор жизненного пути четырех властителей.

Пипин из Херисталя был первым в семье, кто имел власть, которую мы можем назвать систематической и имевшей прочное основание. Эту власть он осуществлял с 679 до 714 г. В его дни общественные дела находились в таком беспорядке, что от него, в сущности, требовалось лишь одно – успешно сражаться. В этом отношении Пипин полностью исполнил свои обязанности: большинство его противников погибли, а остальные покорились. В стране снова появилось что-то вроде закона и порядка. Этот великий майордом не просто одерживал победы над мятежниками. Он реорганизовал франкскую армию так, что она снова стала настоящей боевой машиной. И вскоре эта армия стала нужна.

Преемником Пипина стал его внебрачный сын Карл Мартелл (714–741), который добился власти лишь после очередного периода кровавой неразберихи, но потом оказался таким же тяжелым на руку и здравомыслящим, как отец. Его первыми подвигами стали войны против различных германских племен, живших к востоку от Австразии, – еще лишь наполовину христианизированных и в высшей степени варварских народов. Саксы, баварцы и алеманны – все бежали перед ним. Он также противостоял всегда недовольным герцогам Аквитании, которые правили почти чисто «римским» по происхождению населением и не имели охоты терпеть над собой власть северян.

Исход борьбы с Аквитанией был еще далеко не определен, когда ее герцог Одо внезапно из дерзкого врага превратился в дрожащего от страха просителя. Страшная опасность угрожала не только Аквитании, но и самому королевству франков, и всему христианскому миру. Прошло больше ста лет с тех пор, как араб Мохаммед основал ислам – религию единственного Бога – Аллаха и Его пророка – и предложил иноверцам выбирать между этой верой и войной. За эти годы фанатичные мусульмане захватили Персию, Сирию, Египет и всю Северную Африку и силой заставили жителей этих стран отказаться от прежних верований. Их армия росла как снежный ком за счет воинственных новообращенных бойцов. В начале VIII в. эти полчища переправились в Испанию, раздавили выродившиеся визиготские династии и сделали почти весь полуостров всего лишь эмиратом халифа, жившего в далеком Дамаске. Но эти орды арабов, мавров, а также греческих и испанских вероотступников не собирались останавливаться в Испании. Разве Аллах не пообещал ученикам Корана весь мир? И вот, после нескольких неудачных попыток, в 730 г. начали проникать через пиренейские перевалы в ласковую Аквитанию. Мавританские всадники на выносливых скакунах из пустыни быстро поднимались по горам, грабя, уводя людей в плен и безжалостно сжигая церкви и монастыри. Герцог Одо пытался отразить это нападение, но его усилия оказались напрасными. После отважного сопротивления в руках арабского эмира Абдрахмана оказался Бордо, вероятно самый богатый тогда город на землях бывшей Галлии. Захваченную добычу, которая была огромной, эмир разделил между своими алчными воинами.

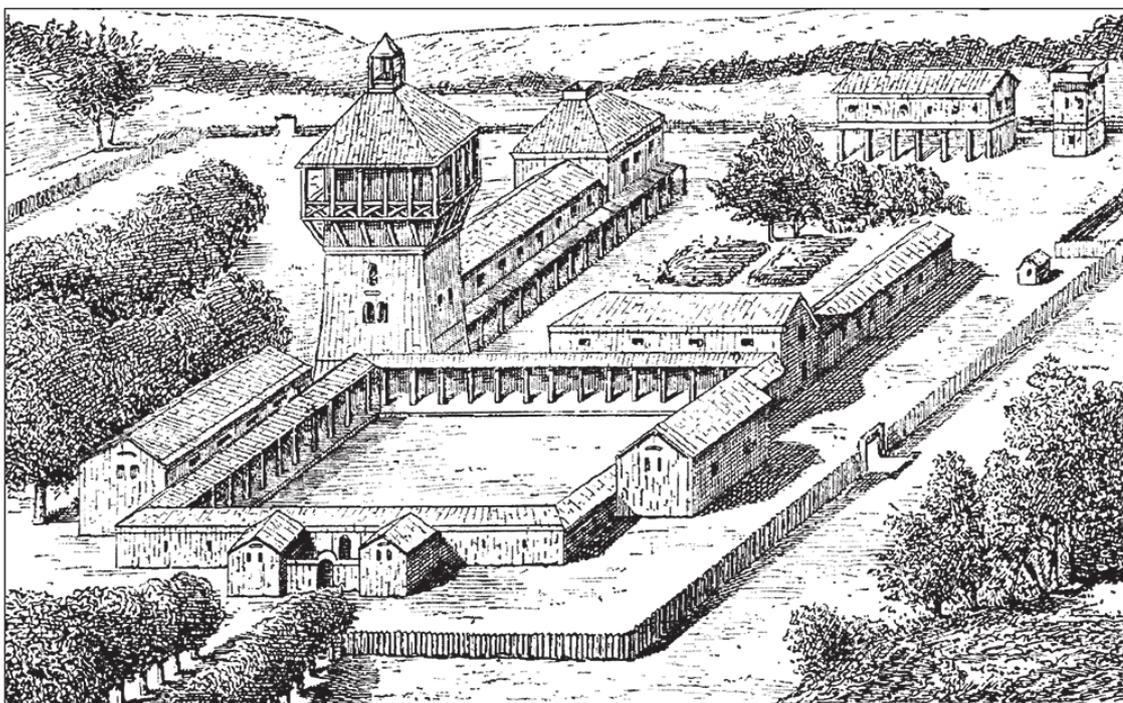
Бордо не стал последним христианским городом, пострадавшим от мусульманских конников. Они прорывались на северо-восток, в долину Луары, и дочиста разграбили Бургундию вплоть до Отёна и Санса. Одо отчаянно звал Карла на помощь, и отказать ему было невозможно. Если сегодня будет завоевана Аквитания, завтра огонь охватит само королевство франков. Великий майордом созвал северных воинов с секирами – всех, кого мог набрать в войско. В сентябре или октябре 732 г. Карл повел это войско против воинов арабского эмира. Сражение произошло на одной из равнин возле Тура на Луаре⁷. Вероятно, ни христиане, ни мусульмане не понимали тогда, что эта битва будет одной из тех, которые определяют судьбу мира. По мнению многих живших позже авторов, именно она должна была решить, будет цивилизованный мир читать Библию или Коран. С уверенностью можно сказать одно: если бы франк

⁷ Точное место сражения неизвестно. Вероятно, оно находится ближе к Пуатье, чем к Туру.

Карл потерпел серьезное поражение, во всей Западной Европе не нашлось бы другого вождя христианина, имевшего достаточно военной силы, чтобы обуздать мусульман⁸.

Несколько дней армии стояли одна против другой, затем Абдрахман бросил свою великолепную мавританскую кавалерию на боевые ряды франков. Но северные пехотинцы, стоявшие в плотном строю, «как прочные стены или ледяные горы» (это слова одного старинного летописца), отбросили конников с их пиками назад, нанеся им ужасающие потери. Вскоре после этого христиане перешли в наступление и начали прорубать себе путь в лагерь иноверцев. Абдрахман был убит, его войско, собранное из разнородных отрядов, растерялось. Ночь наступила раньше, чем разгром мусульман стал полным, но позже, под покровом темноты, они в панике бежали на юг, оставив победителям свои полные добычи шатры. Это была великая победа, и Карла с тех пор стали называть Карл Мартелл (Молот).

Понадобилось еще несколько лет тяжелых сражений, чтобы выбить арабов-мавров из некоторых крепостей, которые они захватили в Южной Галлии, но больше иноверцы никогда не возвращались для большого вторжения. Чары, дававшие им победу, были разрушены. Аллах отвернулся от них, так зачем бороться с судьбой? Разумеется, их победитель прославился в результате этой победы и укрепил свою власть над всем королевством франков.

Усадьба эпохи Меровингов

Восстановлена. Обратите внимание на большой двор, окруженный жилыми комнатами и портиком. Усадьба окружена забором, а в центре возвышается деревянная башня для обороны от врагов. На заднем плане – хозяйственные постройки. (Воспроизведено по книге. *Гарнье и Амман. История человеческих жилищ.*)

Наследником победителя в битве у Тура был его сын Пипин Короткий (741–768). Он унаследовал от отца такую прочную власть, что мог тратить часть своих сил на мирные дела, а не расходовать их все на войну. В 752 г. он чувствовал себя так уверенно, что избавился от нелепого «короля-бездельника» Хильдерика из династии Меровингов, который жил в посто-

⁸ Конечно, константинопольский император Лев Исавр в 717 г. нанес сильное поражение арабам, когда они напали на его столицу, но это не спасло бы западные христианские страны.

янном уединении и власть которого превратилась не просто в тень, а в тень от тени. Пипин осмелился назваться королем, хотя некоторые франкские аристократы могли выступить против этого. Смелость же ему придало официальное согласие папы римского. Папа в это время расширял свою светскую власть над Италией и постоянно опасался нападения упрямых и несговорчивых лангобардов, а потому очень заботился о поддержании хороших отношений с самым великим правителем по другую сторону Альп. Король Пипин должным образом отплатил ему за услугу в 753 г. – привел все свое войско в Италию и заставил короля лангобардов пообещать, что тот оставит пап в покое и даст им спокойно править. Так начались те тесные деловые отношения между правителями королевства франков, а затем Франции и папами, которые приводили к заключению одного союза или соглашения за другим и закончились только в XX в., когда Третья республика полностью отделила государство от церкви.

Пипин оставил свой королевский титул, прочное взаимопонимание с величайшей духовной властью в христианском мире, мощную армию, верную аристократию и верный народ в наследство своему сыну Карлу, который вскоре был отмечен на страницах мировой истории как Карл Великий. Новому правителю, конечно, очень помогли успехи его предшественников, но нельзя отрицать, что из четырех очень талантливых правителей он был самым талантливым и по способностям намного превосходил остальных. Его царствование (768–814) было одним из поворотных моментов в истории Франции, а также Германии, Италии и церкви.

* * *

При Карле Великом королевство франков сильно отличалось от того Франкского королевства, которым правил Хлодвиг. Многие остатки прежней римской культуры были утрачены. Галло-римские города во многих случаях превратились в вымирающие от голода деревни или совсем исчезли. Торговли, когда-то процветавшей в древней империи, теперь почти не существовало. Каждый маленький край и каждая усадьба жили для себя и сами по себе, сами обслуживали свои хозяйственные потребности и приобретали очень мало привозных вещей, потому что прекрасно обходились без них. Непрерывные войны и грабежи уничтожили многие мирные ремесла и усилили упадок тех, которые продолжали существовать. Даже церковь часто оказывалась в руках прелатов, которые вели себя как миряне, а монастыри стали убежищем не только для благочестивых и спокойных по характеру людей, но и для ленивых. Так что, к сожалению, в области культуры эпоха Меровингов и период майор-домов во многом были временами отступления назад и упадка. Но не все в этом времени было разрушительным. Кроме уже перечисленных мук и разрушений, оно дало несколько важных результатов, которые позже имели очень большое значение для истории будущей новой Франции.

1. С 500 по 800 г. почти завершилось образование нового народа. Франки и галло-римляне стали одним целым: смешанные браки и постоянные контакты разрушили существовавшие между ними барьеры. Разумеется, на севере страны (особенно на северо-востоке) доля германского элемента была больше, чем на юге, и Южная Аквитания продолжала по преимуществу оставаться галло-римской. Но уже нигде не было специально и тщательно проведенной границы между двумя прежними народами. Разумеется, были крепостные крестьяне и знатные господа, но многие крепостные, несомненно, были потомками воинов Хлодвига, а многие господа хвалились своими галло-римскими предками. Так был создан французский народ – в основном кельтский по происхождению, но несущий на себе отпечаток имперского Рима в языке, законах и культуре, а позже получивший от тевтонских завоевателей сильную прививку северной стойкости и мужества. Так образовался народ, смешанный и в расовом, и в культурном отношении, а история учит нас, что обычно именно народы смешанного происхождения наследуют землю. Во Франции встретились кельтский блеск, итальянская хитрость и германская стойкость.

2. В эпоху Меровингов сформировалась та экономическая и политическая единица, которая была характерна для французского общества в течение всего Средневековья и позже почти до самого недавнего времени, – усадьба крупного землевладельца. В позднеримскую эпоху города приходили в упадок, а беднейшая часть населения имела склонность подпадать под власть тех, кто богат, и все больше становилось нормой положение, когда человек или владеет большим поместьем (которое называлось *fundus*), или зависит от такого владельца. Беднейшие жители такого поместья были в нем просто крепостными, хотя и не находились в полном рабстве. Им было позволено возделывать маленький участок земли и жить на нем, но они не имели права покинуть поместье без разрешения хозяина и подчинялись еще многим строгим ограничениям. В эпоху франков число таких больших поместий продолжало расти. Еще существовало небольшое число свободных крестьян, уважавших себя владельцев крошечных ферм, но оно постоянно сокращалось. Правительство было очень слабым, а времена отличались полнейшим беззаконием, и поэтому бедняк редко мог защитить свои права, если не «вручал себя» (то есть не отдавал себя в зависимость) какому-нибудь крупному землевладельцу, который мог обеспечить ему достойную защиту. Такими большими поместьями с крепостным населением могли владеть не только король, его любимые воины и потомки галло-римской знати. Часто владельцами таких земель были могущественные и богатые епископы и аббаты церкви. Они (помимо своих духовных дел) были в очень земном смысле слова хозяевами нескольких сотен или даже тысяч крестьян, которыми управляли через надсмотрщиков. Это был не феодализм в точном смысле слова, но большой шаг к тому феодализму, который вскоре должен был быстро распространиться по Западной Европе.

Когда Карл Великий был на вершине своего могущества (ок. 800 г.), территория современной Франции составляла примерно половину его владений. Эти области уже заметно отличались от других владений Карла (Германии и Италии). Германия находилась слишком далеко на севере и потому не была по-настоящему латинизирована. Италия была слишком далеко на юге и потому мало заимствовала у Германии. Французские же земли, сердцевина прежнего королевства франков, вобрали в себя силу и с севера, и с юга.

Глава 3. От франков к французам

Военные действия в Саксонии. Церемония. Возрождение классической учености. Раздел империи. Рост феодализма. Хрупкая основа монархии Гуго

В 768 г. Пипин Короткий, великий король франков, скончался и уступил место своему старшему сыну, которого историки называют Карлом Великим (на латыни Каролус Магнус, на французском языке – Шарлемань, что привычно и для говорящих на английском). Этого нового монарха можно считать величайшим человеком в истории Средних веков. Его царствование стало переходным временем между Древним и современным миром, а внушительная личность наложила глубокий отпечаток на сопутствующее ему время и отбросила тень на несколько последующих столетий.

Близкий друг Карла Великого Эйнхард написал его биографию, которая по уровню намного выше большинства произведений средневековой литературы, и оставил нам, в красиво закругленных фразах, полный и гармоничный портрет этого поистине выдающегося человека. Он рассказывает нам, что Карл Великий был «крупным и сильным, имел внушительный рост и прекрасное телосложение. Верх его головы был округлым, глаза широкие и полные жизни, нос немного длинноват. У него были прекрасные и пышные седые волосы, бодрое выражение привлекательного и при ятного лица. Поэтому и сидя и стоя он выглядел очень внушительно и достойно. Походка у него была твердая, манера двигаться мужественная. Голос звучал чисто, но был не так силен, как можно было предположить при его телосложении»⁹.

Эйнхард также рассказал нам, что император имел привычку одеваться просто и был умерен в еде и питье, горячо любил скачку на коне, охоту и многие атлетические развлечения. «Говорил он охотно и легко и умел очень ясно выражать свои мысли словами. Он с большим старанием изучал иностранные языки и настолько овладел латынью, что мог произнести на ней речь так же легко, как на родном (франкском) языке; греческий же язык понимал, но не мог на нем говорить».

За столом он наслаждался музыкой или же слушал чтение религиозных книг или сочинений историков. Он также любил приходить на лекции по грамматике, логике и астрономии, которые читали ученые его времени. Однако мы не должны преувеличивать глубину познаний этого короля-ученого. При всей своей врожденной любви к литературе он так по-настоящему и не научился писать.

В характере Карла Великого было много свойственных людям недостатков. Он мог быть жестоким, а иногда поступал как настоящий тиран. Но если учесть, в какое время он жил, его можно назвать справедливым, великодушным и дальновидным. От своего отца он унаследовал боеспособную армию, и ни один сосед франков не мог сравниться с ним в искусстве войны. Карл высоко ценил прежнюю римскую цивилизацию, как он ее понимал, и в течение всего своего царствования серьезно и разумно работал над тем, чтобы расширить знания и улучшить нравы своего народа. Он начал править как могущественный германский король, но, когда его владения стали расширяться и становиться настоящей западной империей, дал волю своему воображению и позволил, чтобы честолюбие подсказало ему более высокий титул. Правитель, который начал царствовать как король франков, закончил свою жизнь римским императором, претендуя на такую же власть, какую имели древние цезари.

⁹ На мозаичном, точно передающем черты оригинала портрете в церкви Святого Иоанна Латеранского в Риме видно, что Карл Великий носил большие усы, а не знаменитую «длинную бороду», которая так часто упоминается в позднейших песнях и легендах.

Говоря об этом великом правителе, практически невозможно ограничиться лишь теми событиями, которые произошли на землях, позже ставших Францией. Почти все, что он совершил за пределами бывших галльских земель, отразилось на их судьбе. В частности, он втянул эти земли в длинный ряд войн, которые повлияли на позднейшую Францию тем, что до настоящего времени определяют религию и культуру ее восточных соседей. Когда Карл Великий вззошел на престол, значительная часть территории современной Германии не просто была независима от франкских королей, она была языческой и дикой. Саксы, укрываясь за своими болотами и лесами, с особым упорством сопротивлялись всем попыткам обратить их в христианство и цивилизовать. Карл Великий потратил много лет своего царствования (с 772 по 804 г. с большими перерывами) на попытки надеть на этот свирепый неукротенный народ ярмо тогдашней западной культуры.

С точки зрения современной этики нельзя одобрить то, что Карл Великий распространял христианство и цивилизацию силой оружия, но нельзя и не признать, что, если бы саксов оставили в покое, они, вероятно, еще много столетий провели бы в язычестве, убожестве и вырождении. Раз за разом Карл Великий направлял свои войска в страну этого народа. Обычно франкская армия вторгалась в этот болотистый край весной и оставалась там все лето, загоня противника в топи и леса, беря заложников, подкупом или запугиванием заставляя пленных креститься. В конце кампании франкские воины строили несколько крепостей и оставляли в них гарнизоны. Потом захватчики уходили обратно, саксы выбирались из леса, многие новообращенные торжественно «соскребали» с себя воду крещения и возвращались к своим прежним богам. Некоторые из франкских крепостей саксы брали штурмом, остальные осаждали. Следующей весной армия завоевателей приходила опять, и все повторялось снова. Однако каждая такая кампания немного укрепляла власть франков над этими землями и немного ослабляла сторонников язычества. Вместе с армией Карла Великого приходила целая армия священников и монахов, «чтобы (как сказано в одной средневековой хронике) этот народ, который с начала мира был опутан цепью демонов, смог склониться под ярмо ласкового и доброго Христа». Везде, где позволяли обстоятельства, строились церкви и монастыри, устанавливались границы епископских епархий, и *все* население крестили должным образом. Крестили обычно принудительно, и принуждение было суровым: франкские воины своими копьями указывали ближайшую дорогу к купели.

Это была утомительная война без крупных событий, без больших сражений – война партизанского типа. Она целиком состояла из мелких столкновений, налетов и осад. В 785 г. Виттекинд, самый грозный из саксонских вождей, покорился Карлу Великому, но многие бывшие сторонники Виттекинды держались до 804 г. Потом в эту измученную страну наконец пришел мир. Война не была напрасной: средневековая цивилизация (в ее тогдашнем виде) с удивительной быстротой пустила корни на саксонской земле. Меньше чем через сто лет этот край уже был в числе самых передовых и цивилизованных областей Западной Европы. Правда, в это время империя Карла Великого уже быстро распадалась на части и Саксония навсегда расставалась с Францией.

Великий король Карл унаследовал от своего отца тесный союз с папским престолом. Пап уже давно мучил страх, что лангобарды, которые в то время господствовали в Северной Италии и собирались завладеть остальной частью полуострова, захватят Рим. Папы уже сами заявили, что имеют «светскую власть» над городом Римом, и не желали иметь рядом с собой никакого опасного соседа. Если им придется иметь над собой верховного правителя в земных делах, думали они, то гораздо лучше, чтобы он был таким, как король франков, то есть жил далеко и потому не мог бы постоянно вмешиваться в их дела. В 773 г. честолюбивый король лангобардов Дезидерий так сильно нажал на Рим, что папа всерьез обратился в королевство франков за поддержкой. Он умолял о помощи, и этот крик был услышан. Во главе могучей армии, превосходившей противника по силе, великий северный король перешел по перевалам через Альпы.

Дезидерий был в ужасе и заперся в своей столице Павии. Там его, как положено, взяли в осаду и с помощью голода вынудили сдаться в 774 г. Тем временем сам его победитель отправился дальше и прибыл в Рим, где папа устроил ему великолепнейший прием и наградил его титулом патриция (то есть верховного защитника) Святого Вечного города. Что касается королевства лангобардов, оно просто было упразднено – в пользу Карла Великого. Теперь он называл себя королем Италии и действительно владел всем полуостровом, кроме крайнего юга, где константинопольские греки еще владели многими округами.

Шли годы. Монархия франков увеличилась не только за счет завоеваний. Ей покорились германский король Баварии и варварские князья народа аваров (жившего на территории нынешней Австро-Венгрии). Разумеется, чем более неодолимым на войне и неутомимым в мирных трудах становился правитель этой монархии, тем прочнее становилось всеобщее убеждение, что этому государю и этому государству совершенно не соответствуют имена и титулы, подходившие для северного королевства. Хотя в Западной Европе уже не осталось совершенно ничего от власти прежних римских императоров, до этого времени люди даже в королевстве франков признавали, что говорящие по-гречески константинопольские императоры *теоретически* являются наследниками древних цезарей и потому имеют наивысшее звание среди всех монархов. Но папы спорили с этими государями из-за многих богословских догматов и были почти готовы заклеить их как раскольников. Кроме того, они были очень озабочены тем, чтобы доказать свою независимость от любой светской власти, и потому заявляли, что они, как прямые преемники святого Петра, имеют право давать власть «в этом мире» по своему выбору любому, кому пожелают оказать эту честь.

В 800 г. этот процесс достиг высшей точки развития. Могущество Карла Великого было так велико, что его уже нельзя было считать обычным королем (*rex*). А папа Лев, со своей стороны, очень старался показать, как римский престол благодарен правителю, который избавил пап от страха перед лангобардами и оказал ему еще много услуг. Кроме того, папа желал также показать, что не зависит от греческих правителей Константинополя. Если бы кто-то сказал, что в мире может быть лишь один император, на это был удобный ответ: в Константинополе тогда правила только императрица Ирина, в высшей степени недостойная женщина, которая пришла к власти, заточив в тюрьму и ослепив собственного сына. Таким образом, все обстоятельства соединились для того, чтобы произошло одно из самых великих и зрелищных событий в истории.

В 800 г. Карл Великий находился в Риме, чтобы подавить возмущение, поднятое некоторыми местными жителями. Наступило Рождество. В великолепной базилике Святого Петра собралось блестящее общество. Король молился у главного алтаря. Можно представить себе, как впечатляюще выглядел этот обряд – дым ладана, поющий хор, роскошно одетые придворные в нефе и еще более роскошно облаченные священнослужители ближе к алтарю. Внезапно папа Лев подошел к стоявшему на коленях монарху и надел на его голову сверкающую корону. Народ мгновенно понял, что это значило, и закричал так, что огромная церковь задрожала: *«Могучему Карлу, великому и миролюбивому императору римлян, коронованному Богом, – долгой жизни и победы!»* Был Карл Великий императором потому, что римский народ (выродившиеся потомки умерших строителей империи) провозгласил его своим монархом, или потому, что его короновал папа, представитель Бога, или потому, что он уже завоевал право на этот титул своими великими делами? Никто всерьез не задавал себе этот вопрос. Ответ на него искали в кровавой борьбе людей последующих веков, но это относится к истории Германии, а не Франции. В любом случае следующие четырнадцать лет правитель, который раньше назывался «король», именовался в своих указах Карл Август, то есть предьявлял права наследника на все титулы, почести и власть прежних цезарей. С этого времени Карл Великий сознательно старался централизовать свою власть. Он не начал стыдиться родных для него франкских традиций и установлений и никогда не вел себя как тиран, но тем не менее мир увидел государ-

ство, очень непохожее на прежнюю франкскую монархию. Так родилась Священная Римская империя – попытка основать заново Западную Римскую империю, но на строго христианской основе. Земли будущей Франции вскоре были отсечены от этого непрочного государственного образования с большими претензиями. Но на территории Германии и позднейшей Австрии оно продолжало существовать вначале как крупное государство, а потом лишь как великолепная тень и существовало до тех дней, когда Наполеон Бонапарт размолот в порошок столько почтенного мусора, оставшегося от средневековой Европы (в 1806 г.).

Империя 800 г. включала в себя всю современную Францию, Бельгию, Голландию и Швейцарию, а также большую часть современной Германии и Италии. В какой-то мере под ее властью были западная часть позднейшей Австро-Венгрии и крайний северо-восток Испании. Это было огромное, рыхлое по строению монархическое государство, части которого, в сущности, скреплялись только гением Карла Великого и страхом перед франкскими армиями. Однако личные дарования Карла были так велики, что при его жизни действительно казалось, будто народы империи вот-вот сольются в один народ.

Для управления своими обширными владениями он не применял сложную государственную машину. При своем дворе (который обычно находился в городе Ахене, в наше время это крайний запад современной Германии) он имел несколько высших должностных лиц и совет из умудренных жизнью епископов и любящих сражения аристократов. В округах были «графы»¹⁰, которые вершили правосудие и стояли во главе провинциального ополчения. В многочисленных пограничных округах, которые назывались *марки*, были *маркграфы* (маркизы), обычно испытанные в боях люди из числа военных. Чтобы эти должностные лица не нарушали порядок, от одного из них к другому постоянно ездили «императорские гонцы» (*missi dominici*), которые проверяли, не совершают ли те несправедливость, и часто докладывали императору о положении дел на местах. Эта система прекрасно работала, пока был жив Карл Великий, гениальные способности которого компенсировали ее недостатки. Как только он умер, она почти полностью развалилась.

Но Карл Великий дал народам больше, чем твердую власть с законом и порядком (которые, нужно отметить, были редкостью с самого времени падения Рима). Под его покровительством произошло настоящее возрождение учености и искусств. Когда он стал королем, образованность и даже просто грамотность были на очень низком уровне даже в церкви, и он с подлинным энтузиазмом начал бороться с этим злом. Для выполнения своей задачи он вызвал на помощь из англосаксонской Англии выдающегося ученого Алкуина, который стал руководить дворцовой школой – чем-то вроде придворной академии, где обучались юноши из знатных семей. Епископы и аббаты во всей империи должны были создать такие же школы для своих местностей. Карл Великий нанес чувствительный удар по мнению, которое, к сожалению, преобладало в те дни, – по убеждению, что невежество совместимо с подлинной набожностью. В его указе было написано: «Пусть в каждом монастыре и каждой епархии будут основаны школы, где мальчики смогут научиться читать, чтобы старательно исправлять ошибки в псалмах, написанных знаках, песнях, календаре и грамматике, потому что люди часто желают молиться Богу как надо, но молятся плохо из-за неправильных книг».

Под руководством Алкуина возродился и широко распространился интерес к древним классикам. Во многих монастырях переписывали и изучали сочинения Цицерона, Горация, Вергилия и Сенеки. Появились стихи, сочинения по истории и очерки, написанные в их стиле. В этих литературных попытках было очень мало оригинальности; обычно они были всего лишь рабским переносом в другую эпоху идеалов, которые были новыми восемьсот лет назад. Но огромное значение имело то, что мудрость древних (которых благочестивые христиане часто

¹⁰ Они назывались *comites*, что буквально означало «спутники» короля или императора.

клеймили как «погибших язычников») была в почете и что могущественный правитель возвышал ученых наравне с воинами.

Здесь не хватает места для рассказа о том, как Карл Великий наказывал недостойных священнослужителей, реорганизовывал франкскую церковь, создавал и вводил справедливое законодательство, распространял более совершенные способы ведения сельского хозяйства. В 814 г. великий император умер, достигнув наивысшего преуспеяния. Кажется, мало кто из правителей добился таких успехов, как он. Мыслящие люди, жившие в его дни на землях бывшей Галлии, конечно, особенно горячо благословляли свое время и говорили, что теперь галло-римляне и германцы слились в один народ, став подданными новой и лучшей Западной империи, и что длившемуся много веков беспорядку, который начался после падения Рима, явно настал конец.

* * *

Итак, царствование Карла Великого было прекрасной вспышкой света в печальную эпоху сумерек, если не полного мрака. Этот свет был слишком хорош, чтобы гореть долго. Силы беззакония были подавлены лишь на время, и недостатки организации Франкской империи были так велики, что их мог преодолеть лишь величайший монарх. Четыре раза род Каролингов производил на свет таких правителей, но пятого раза не случилось. Карл Великий не разделил свою империю, а передал ее всю своему привлекательному и любезному, но не обладавшему ни сильной волей, ни большим умом сыну, Людовику Благочестивому (814–840). Единственной возможностью сохранить непрочную империю была мудрая и твердая политика ее сплочения и централизации, которая объединила бы галльский, германский и итальянский народы в один довольный жизнью народ. Но невозможно было ожидать, что Людовик выполнит такое труднейшее дело. Несколько лет пример его отца и должностные лица, служившие еще при отце, удерживали части империи вместе, а потом центробежные силы вырвались на волю.

Первая трещина расколола семью самого императора. Людовик был единственным выжившим сыном Карла Великого, но вскоре сыновья Людовика – Лотарь, Людовик и Карл Лысый – уже при жизни отца протянули свои жадные руки к власти. Каждый хотел иметь долю в управлении страной и думал лишь о своих интересах. Никогда отсутствие в монархическом государстве закона о переходе престола к старшему сыну не приводило к таким печальным последствиям, как во франкской империи IX в. Три неразборчивых в средствах брата ссорились и сражались один с другим, свергли своего отца с престола, когда он не пожелал разделить наследство между ними в угоду более сильному из них, потом вернули его на престол. При каждом подобном повороте событий императорская власть слабела и становились сильнее всегда напористые и беззастенчивые аристократы, которым правительство уступало все больше своих земель, богатств и власти. В 840 г., когда Людовик умер, его королевство уже готово было развалиться на куски.

Лотарь, старший из этих троих плохих сыновей, потребовал себе титул императора, и братья охотно предоставили ему этот титул. Но за границы их личных владений началась кровавая война. В 841 г. возле Фонтене (теперь Труа) произошла битва, которая имела огромное значение. Лотарь потерпел поражение от Людовика и Карла Лысого и вскоре был вынужден согласиться на условия мира, которые предлагали ему братья. Так в 843 г. был заключен знаменитый когда-то Верденский договор, в сущности ставший концом империи франков. Людовик получил практически всю Германию, Лотарь длинную узкую полосу земли от Северного моря вдоль западной части Рейна и затем прямо до Италии (отсюда название Лотарингия – «страна Лотаря» у территории, за которую спорят Франция и Германия), а Карл Лысый получил остальную часть расчлененной Франкской империи, то есть практически всю Францию. Доли Людовика и Карла были ограничены естественными разделительными чертами – гео-

графическими рубежами и границами между народами и стали государствами, которым была суждена долгая жизнь. Доля же Лотаря была всего лишь искусственно выделенным куском территории, где раньше не существовало отдельного государства. По мере того как Франция и Германия развивались, она становилась настоящим яблоком раздора между ними. Спор об этой земле начался в 843 г., и в 1914 г. вопрос об Эльзасе и Лотарингии еще продолжал нарушать спокойствие Европы.

Разумеется, мир, заключенный в Вердене, был лишь передышкой между новыми войнами. Лотарь вскоре умер; его сыновья и их недружелюбные дяди в скором времени начали спорить за его владения. Один или два раза империя Карла Великого почти была восстановлена в полном объеме, но не благодаря одаренности какого-то одного правителя, а потому, что все остальные претенденты на власть были убиты или умерли. Некоторые из поздних Каролингов были достаточно одаренными людьми, но многие были лишь немного лучше, чем бездельники Меровинги, которых сменили у власти их деды. В 884 г. в последний раз казалось, что Франкская империя объединилась под властью одного императора. Это был Карл Толстый, бездарный и ленивый человек, главным, если не единственным достоинством которого было императорское происхождение.

К этому времени не только жалкий Карл Толстый, но и сам Карл Великий с огромным трудом смог бы оздоровить большое и громоздкое королевство. Не только местные графы (всего лишь наместники императора) все сильнее проявляли «феодалную» независимость и изображали из себя маленьких королей, не только почти все владения монарха были розданы алчным дворянам, а права короля уважались все меньше, но всей империи угрожала серьезная опасность из-за рубежа. И в первую очередь эта опасность грозила той части государства, которая вскоре стала называться Франция. В течение всего печального IX в. язычники-норманны приплывали из скандинавских фьордов на своих драконьих ладьях и разоряли франкские берега. Год за годом они поднимались на много миль вверх по французским рекам, жгли, грабили и уводили пленных. Они разбивали местное ополчение, собранное для борьбы против них, и быстро уплывали прочь со своей добычей. Когда наконец местные власти собирали регулярное войско, грабители были уже далеко. Эти скандинавские викинги были первоклассными бойцами. Они могли победить почти любого равного им по численности противника, и управляли ими вожди, обладавшие и доблестью, и мастерством. Многие знаменитые франкские города были разорены ими. В конце концов в 885–886 гг. они поднялись вверх по Сене и осадили Париж по правилам военного искусства.

Значение Парижа в то время уже быстро росло. А во время этой осады он вписал свое имя в историю благодаря доблести, с которой его отважный епископ Гозлин и его светский глава граф Эд обороняли свой город от разрушителей-язычников. Захват викингами Парижа в момент, когда население края было полностью деморализовано, вероятно, позволил бы викингам постепенно захватить весь север Франции так же, как их собратья овладели всей англосаксонской Англией. Но Париж выстоял. Город и в это время недалеко вышел за пределы того острова посреди Сены, где сейчас стоит собор Нотр-Дам, поэтому главные сражения шли за обладание мостами, которые связывали Париж с материком. Язычникам удалось захватить один из этих мостов, но второй – нет. Они предприняли отчаянную попытку захватить город путем осады, которая оказалась долгой. Граф Эд уехал из города, чтобы убедить императора поторопиться с отправкой подкрепления на помощь Парижу, но вскоре доблестно вернулся во главе маленького отряда, прорубая себе боевым топором дорогу сквозь войско норманнов и ободряя защитников города. В конце концов Карл Толстый явился спасать Париж во главе большой армии, но этому императору-дегенерату не хватило мужества на то, чтобы дать врагу решающий бой. Он поступил позорно: выкупил Париж за большую плату и позволил отброшенным от города викингам уйти грабить Бургундию, «потому что ее жители не повиновались императору».

Этот низкий и трусливый поступок был почти последним важным делом правителей единой Франкской империи. В 887 г. Карл Толстый был свергнут с престола высшей знатью своей страны, но его владения не достались все целиком одному сопернику. В Германии тогда правил внебрачный представитель рода Каролингов. Там, где сейчас расположен юго-восток современной Франции, вскоре появился «король Бургундии», а в тогдашней Франции (так мы можем теперь называть бывшую франкскую Нейстрию) появились несколько претендентов на власть, но после разногласий и споров правителем стал формально считаться законный государь из рода Каролингов – Карл Простоватый (893–923)¹¹.

Этот потомок могущественного рода (кстати, не такой глупый, как можно предположить по его прозвищу) действительно мог иметь лишь совершенно формальную власть. Священная Римская империя в то время практически не существовала, и ее будущее было совершенно неясным. Когда она позже возродилась, это произошло лишь в Германии и Италии, а Франция в нее больше по-настоящему никогда не входила. Развитие феодальной системы уже шло полным ходом, и каждая победа воинственных баронов означала такую же по размеру потерю авторитета для их монарха.

Поскольку феодальной системе вассалов и сюзеренов нужна была вершина, никто даже не думал о том, чтобы упразднить королевскую власть, и долгое время знатнейшим феодалам было легче договориться между собой, чтобы королевский сан принадлежал одному из Каролингов, чем передать этот сан сопернику-аристократу не королевского происхождения.

Таким образом, Карл Простоватый правил – или, по меньшей мере, назывался правителем – примерно на четверти обширной территории, которой владели его предки. Один важный указ, который он утвердил, имел большое влияние на будущее. Норманны, благодаря постоянному общению с христианами, понемногу становились менее дикими, но теперь усердно искали свободные земли, чтобы на них поселиться. И Карл заключил сделку с Ролло, хозяином большого флота драконьих кораблей. Король франков отдал во владение Ролло широкую полосу земли вдоль пролива, который теперь называется Ла-Манш, включая крупный город Руан. Эта территория становилась феодальным княжеством, и Ролло, ее новый герцог, должен был жениться на дочери Карла и «принести ему вассальную присягу» за это ленное владение. Кроме того, вождь викингов и его лучшие воины должны были стать христианами и принять цивилизованные обычаи. Договор был заключен и честно исполнен в 912 г. Норманны быстро стали нормандцами в своей новой стране Нормандии. Их грубый скандинавский язык скоро превратился в один из диалектов языка, который теперь явно был французским. Ролло (который, как ему и следовало, сменил имя на Роберт) и его главные воины быстро приобрели обычные достоинства и пороки феодальных баронов. В целом можно сказать: вскоре управление в Нормандии стало лучше, мирные искусства стали развиваться больше, а ее рыцари (когда появилось это звание) больше отличались рыцарским благородством, чем почти во всех остальных частях Франции. Так был добавлен последний крупный элемент в смесь народностей, из которой образовался французский народ. К кельтам, латинянам и германцам добавились скандинавы, которые принесли с собой всю силу Крайнего Севера и не ослабили, а укрепили молодую нацию.

На этом остатке прежнего государства франков Каролинги правили до 987 г. Их власть постоянно слабела, несмотря на мощные попытки нескольких королей из этого рода укрепить ее. Их стали саркастически называть «королями Лана» по названию города Лан (иначе Лаон), единственного города на обширных землях их главных баронов, где короли, как казалось, действительно имели власть. Наконец в 987 г. династия Каролингов почти угасла. Ее единственным представителем оставался еще один Карл – герцог Лотарингский. Он, как утверждают,

¹¹ Храбрый Эд, граф Парижский, с 888 г. и до своей смерти в 898 г. был почти повсеместно признан как король Франции. После его смерти все признали право на престол Карла Простоватого.

был вассалом императора Германии. Кроме того, он вызывал сильнейшее отвращение у западных баронов. И появился жаждавший власти кандидат из другого семейства – Гуго Капет, «герцог Франции» (то есть правитель края, центром которого был Париж). Он был потомком того отважного графа Эда, который защитил Париж от викингов. Он был богат, честолюбив, тактичен, и, главное, его поддерживала своими мощным влиянием церковь. Подкупив других знатнейших аристократов щедрыми подарками из числа своих земель и этим ослабляя свою будущую власть, он добился их согласия и 1 июля 987 г. был торжественно коронован в Реймсе как «король галлов, бретонцев, нормандцев, аквитанцев, готов и гасконцев».

Эта новая власть Гуго Капета казалась не слишком прочной. Несомненно, многие герцоги и графы, которые присягали ему как вассалы в Реймсе, в глубине души надеялись, что эта молодая династия скоро погибнет, как династии многих правителей-выскочек. Но если они так думали, то сильно ошибались. Гуго Капет основал династию, различные ветви которой непрерывно правили Францией до 1792 г.¹² Мы можем справедливо сказать, что с его появлением на престоле королевству франков пришел конец и на мировой сцене действительно появилась Франция.

¹² Конечно, и в XX в. существовали потомки рода Капетов, которые могли бы с большими основаниями претендовать на корону Франции, если бы Третью республику снова сменила монархия. Так что в определенном смысле династия Гуго Капета существует и сегодня – как знатный род, предков которого можно проследить до самого родоначальника.

Глава 4. Золотой век феодализма (996—1270)

Ленное владение и военная служба. Феодальный замок. Непослушные крупные вассалы. Первые короли из рода Капетингов. Войны Людовика VI. Роль Франции в Крестовых походах. Филипп и Ричард Львиное Сердце. Триумфальный въезд короля в Париж. Людовик VIII. Крестовый поход Людовика Святого в Палестину. Расширение территории Франции

Когда Гуго Капет стал королем, феодальный строй уже вполне сформировался и жил здоровой жизнью, а это было опасно для власти королей. Термин «эпоха феодализма» слишком часто используют как синоним слов «Средние века». На самом же деле эта эпоха охватывает лишь время примерно с 900 по 1300 г., когда авторитет короля и «народа» был слаб, а те, кого мы называем «феодальной знатью», были сильны. После этого феодализм заметно слабел или его жизнь продлевали искусственно главным образом ради заманчивых социальных привилегий, а королевская власть постоянно набирала силу и одерживала над ним верх. В дни своего процветания феодализм существовал не только во Франции: этот строй испытали на себе Германия, Италия, Испания, а после Нормандского завоевания (1066 г.) и Англия. Но он получил самое полное развитие и проявил самые характерные свои особенности во Франции, и, когда мы пользуемся словом «феодализм», мы инстинктивно описываем этот строй французскими терминами, так же как в философии и искусстве человек всегда склонен обращаться к греческим школам, типам или образцам.

Истоки феодализма можно обнаружить в древних римском и германском обществах еще в эпоху до великих вторжений. Во времена Карла Великого было уже много признаков «феодального строя». Но настоящий феодальный строй возник при очень неудачливых преемниках этого великого императора, когда правительство слабело. С ужасом наблюдая за тем, как оно теряет силу, люди ощущали острую необходимость в общественном порядке – *любом* порядке, лишь бы он оберегал их от худших разновидностей безвластия.

Примерно к 900 г. власть королей, которые унаследовали обломки империи франков, свелась почти к нулю. Даже если бы эти короли были мудрыми и сильными монархами, сам дух времени ослаблял бы их власть. Многие причины, действуя в течение долгого времени, разрушали то, что мы можем назвать нормальным *политическим* обществом, в котором все люди – члены одного большого народа, и заменяли этот порядок другим, новым. Этот новый порядок, то есть феодализм, очень трудно описать в немногих словах. Возможно, правильно будет сказать, что это строй, при котором власть основана не на верности всех центральному «правительству», а на множестве отдельных соглашений, каждое из которых заключалось между двумя людьми. По такому соглашению более крупный феодал сдавал землю на условиях, похожих на аренду, менее крупному феодалу, который становился его вассалом, и одновременно делался старшим над ним и его главой во время войны. В феодальную эпоху спрашивали не «Из какого вы народа?» а «От кого вы держите свои земли?». Ответ на этот вопрос определял место человека в обществе и в политической жизни.

Из всех причин, которые вызывали развитие феодализма, самой широко распространенной была сдача королями и другими крупнейшими землевладельцами своих земель в аренду в обмен на военную службу¹³. Сначала этот «лизинг» (так это называли бы современные люди) был лишь временным и прекращался, если арендатор не платил должным образом свою ренту (состоявшую из военной службы и финансовой помощи) и всегда прекращался в случае смерти

¹³ К праву лично управлять полученной в держание землей обычно добавлялись различные льготы, например исключение лена из королевской юрисдикции и освобождение от налогов, которые взимал король. Таким образом, новый вассал становился верховным судьей на предоставленных ему землях и сам собирал с них собственные налоги.

арендодателя (сюзерена) или арендатора (вассала). Но когда власть королей ослабла и к тому же каждый арендатор, долго занимавший свой лен или феодал (так называлось феодальное владение), со временем начинал чувствовать, что владеет этой землей *по праву*, а не пользуется ею с чьего-то разрешения, вассальные отношения становились все более длительными и все больше приближались к постоянным. Теперь король мог забрать лен у вассала только в крайнем случае. Кроме того, король был обязан оставить лен за сыном или сыновьями умершего вассала, а если у покойного не было сыновей, передать лен в держание его дочери или даже наследникам по боковой линии. К 900 г. крупнейшие в королевствах вассалы выполняли только формальные обязательства по отношению к тому, кто числился их повелителем. Не называясь независимыми правителями, они фактически стали независимы, и очень редко их «сюзерен-король» имел власть и силу, чтобы принудить их к чему-то.

Однако крупные вассалы, в свою очередь, были вынуждены делить свои владения между более мелкими «князьками». Те могли иметь великое множество зависимых от них мелких дворян, каждый из которых, возможно, имел только укрепленную башню и несколько акров голой земли. Феодальная система опутала своими щупальцами практически все общественное устройство Франции. Епископы и аббаты церкви тоже часто были феодальными землевладельцами и в этом случае имели все политические и военные права, которыми пользовался дворянин-мирянин (кроме права лично сражаться мечом)¹⁴. Считается, что от пятой части до четверти территории Франции составляли земли, принадлежавшие этим богатым священнослужителям, иногда жившим очень по-мирски.

Вполне естественно, что несчастные низы общества, которые находились в различных видах зависимости в римскую и франкскую эпохи, были включены в феодальную систему как всего лишь крестьяне своих господ (крепостные или чуть выше крепостных), смиренные и необходимые сторонники господствующей знати. Их положение определилось точнее и стало более ясным немного позже.

В основе этого феодального режима не было определенного порядка или системы. Теоретически каждый дворянин¹⁵ был обязан хранить верность своему сюзерену, а тот – своему, и т. д. вверх до короля. На самом же деле в вассальных отношениях царил полная неразбериха. Один ученый в отчаянии справедливо назвал феодализм «организованной анархией». Однако в этой путанице есть несколько разделительных линий, которые облегчают понимание некоторых феодальных учреждений и условностей. Вот несколько полезных пояснений:

1. Дворяне-феодалы самого низкого уровня, как правило, назывались просто «сеньор» или «сир» (что значит «господин») и владели маленьким замком. Над ними стояли по порядку (от низшего звания к высшему) бароны, виконты, графы, маркизы и герцоги, а во главе всех стоял король. Великий аббат церкви мог быть равен по рангу виконту, князь-епископ равен графу или стоял даже выше. Однако строго зафиксированных правил не было. Во Франции некоторые графы были совершенно равны по могуществу некоторым герцогам¹⁶, а другие графы могли по некоторым из своих земель быть вассалами виконта или даже барона. Были и дворяне, которые официально считались еще ниже по званию, но гордо равняли себя со знатнейшими в сословии. Например, владелец большого замка в Пикардии (знаменитые развалины

¹⁴ Священнослужителей обвиняли в том, что они, чтобы обойти церковное правило, запрещавшее им пользоваться мечом, часто вооружались тяжелой булавой, удар которой выбивал из врага мозга, не проливая его крови. Кажется, в истории Франции было много таких священнослужителей-воинов.

¹⁵ То есть каждый человек, который был держателем земли или претендовал на то, чтобы иметь ее в держании как вассал. Другими словами, каждый, кто был стойким воином, не был сыном зависимого крестьянина, не зарабатывал себе на жизнь ремеслом или торговлей и не был служителем церкви.

¹⁶ Во всяком случае, в более поздние времена братья и младшие сыновья французских королей часто носили титул графа, но, разумеется, занимали при дворе место выше, чем практически все герцоги.

этого замка без всякой причины были уничтожены немцами в 1917 г.) хвастливо заявлял в девизе своей семьи: «Я не король, не принц, не герцог, не граф, я только сир де Куси».

2. В этом пункте мы рассмотрим обычные обязательства дворянина перед его сюзереном. Прежде всего, он был обязан «оказывать почтение» сюзерену, то есть опускаться перед сюзереном на колени в требовавших этого случаях, и дать клятву, что будет исполнять феодальные обязанности, а также не станет причинять сюзерену вреда. Главной из обязанностей, которые полагалось исполнять, была, конечно, обязанность сражаться против врагов сюзерена, давать ему хорошие советы, в особенности помогать ему в присуждении наград и осуществлении правосудия, а в некоторых, достаточно редких случаях (выкуп из плена, приданое для старшей дочери и т. п.) снабжать сюзерена деньгами. За это сюзерен предоставлял вассалу военную защиту против его, вассала, врагов и честное поведение при рассмотрении любого дела в суде, а также должен был позаботиться о том, чтобы детей вассала не лишили обманом отцовского наследства.

3. И наконец, отметим, что, как правило, в феодальную эпоху центром всей жизни и всей деятельности был замок дворянина. В каждом полноценном ленном владении был хотя бы один замок; иногда это была сложно устроенная крепость, иногда всего лишь маленькая башня¹⁷. Но захват даже самого маленького замка (до изобретения пороха) был медленным и кровопролитным. Даже очень слабый барон за своими прочными стенами мог с несколькими верными слугами, имея хороший запас хлеба и пива, отстоять свои права против своего сюзерена. Эти замки стали начали строить в большом количестве главным образом для того, чтобы остановить норманнов и других налетчиков, но они выросли повсюду и стали центрами политической дезинтеграции. Как правило, обезвредить их было можно только с помощью утомительной блокады, заставив защитников голодать. Их хозяева вели себя как маленькие короли. Они имели право «тюрьмы и виселицы», то есть могли карать своих крестьян смертью; они чеканили собственные деньги и вели кровопролитные войны против соседей из ближайших замков или против князя-аббата соседнего монастыря. Примитивное чувство чести обычно заставляло их исполнять обещания, которые они давали своему сюзерену, в первую очередь находиться в течение оговоренного количества дней на военной службе. Но если сюзерен был мудрым человеком, он не вмешивался ни в то, как его вассалы управляют своими ленами, ни в ссоры между вассалами. Власть же сюзерена над теми, кто зависел от его собственных ленников, была в лучшем случае непрочной. Существовала старинная поговорка: «Вассал моего вассала – не мой вассал». Если низшие дворяне выполняли свои клятвенные обязательства перед своим господином и не втягивали его в войну с его соседями, этого было достаточно. А их господин (если не был королем), в свою очередь, вероятно, не доверял своему сюзерену.

Таким образом, средневековое французское общество было устроено так: масса крестьян, не имевших ни политических прав, ни положения в обществе, трудились; высокомерные одетые в доспехи бароны грубо командовали этой лишенной привилегий невооруженной толпой, а ослабший король часто дрожал от страха перед своими «вассалами». Эти феодальные дворяне всерьез боялись только громогласных угроз церкви.

Через двести лет после того, как архиепископ Реймский (глава духовенства страны) надел корону на голову Гуго Капета, молодое королевство Франция находилось в бедственном положении.

Самому ее существованию часто угрожала опасность. Должно быть, часто корона ее короля казалась людям маскарадной короной из мишуры. Чтобы купить поддержку дворян, согласившихся на его коронацию, Гуго Капет был вынужден уступить им так много земель и

¹⁷ Конечно, в ленное владение могли предоставить и доходы, например рыночный сбор, и привилегии, например право охоты в каком-либо лесу. Но, как правило, ленным владением была земля.

власти, что почти разорился. Наверное, нигде «организованная анархия» феодализма не торжествовала так, как во Франции перед наступлением 1000 г. Теоретически Гуго Капет получил ту огромную власть, которую имел Карл Великий, за исключением лишь императорского титула. На самом же деле он лишь получал наибольшие почести среди нескольких сотен баронов, каждый из которых называл его «добрый господин» потому, что желал использовать его как узду для своих недружелюбных соседей, но не потому, что хотел иметь над собой короля, действительно обладающего властью.

Гуго имел какую-то власть лишь над своим прежним «герцогством Французским», то есть над окрестностями Парижа и землями к югу от Парижа до Орлеана на Луаре. Этот край обычно называли «королевским доменом», то есть «личными владениями короля». Они были не больше, чем маленький американский штат Массачусетс. И даже внутри этого домена многие мелкопоместные бароны неохотно подчинялись королю, если подчинялись вообще. За пределами этой провинции король не имел почти никакой власти. Великие герцоги Нормандии, Бургундии и Бретани и равные им по надменности графы Фландрии, Шампани и Вермандуа могли каждый вывести в поле столько же вооруженных слуг, сколько имел король, и без колебаний начинали войну против него каждый раз, когда им подсказывали это обида или честолюбие. На юге королевства, правителем которого назывался Гуго, герцог Аквитании и граф Тулузы делили между собой власть над народом, который отличался по языку и обычаям от своих северных соседей. Оба они обычно не слишком утруждали себя даже внешними формами почтения к своему королю. Эти южные земли (Midi) так сильно отличались от Северной Франции, что их жители были почти отдельным народом. Южане говорили на мелодичном лангедокском языке, а на землях вокруг Парижа был в употреблении лангедольский язык, звучавший грубее и резче. У южан было больше роскоши в быту и больше следов прежней галло-римской культуры в обычаях. Северофранцузские монахи сердито заявляли, что в моральном отношении люди за Луарой гораздо более распущены¹⁸. В любом случае слияние «Франции» и «Юга» в единое счастливое государство сделалось одной из великих задач для будущих поколений, и эта задача должна была стать тяжелой, даже если бы повсеместная феодальная анархия не делала ее намного труднее.

Кроме всех только что упомянутых знатнейших феодалов было множество менее значительных графов, виконтов и баронов, которые правили своими владениями «по милости Божьей» (то есть не подчиняясь никакому сюзерену), чеканили собственные деньги, ссорились и заключали мир по собственному желанию и тиранили своих подданных. Короче говоря, они делали все, что полагается делать правителю маленького государства, проявляя лишь необходимый минимум уважения к своему «повелителю-королю», жившему в Париже. При таких обстоятельствах настоящим чудом было то, что династия Капета вообще смогла создать жизнеспособное королевство. И все же это было сделано. Из феодального хаоса начала рождаться величественная французская монархия.

Эта монархия набирала силу, а силы баронов убывали. Это происходило в результате совместного влияния многих причин. Вот некоторые из них.

Многочисленные дворяне королевства постоянно сопротивлялись королю, но эти «государя своих поместий» были рассеяны по всей стране и жестоко враждовали один с другим. Они редко были способны настолько забыть о своих разногласиях, чтобы объединиться против короля, и почти в каждой войне *некоторые* вассалы поддерживали его.

Королям из рода Капетингов везло в одном: очень долго, до 1328 г. в их семье всегда был наследник по прямой линии. Правящий король всегда мог предъявить сына, которого звать

¹⁸ Когда король Роберт около 1000 г. женился на южной принцессе Констанции Арльской, северофранцузские монахи-летописцы в ужасе и смятении писали в своих хрониках, что королева привезла с собой в высшей степени аморальный сброд. «Их оружие и одежда были в беспорядке, их волосы коротко острижены и даже выбриты надо лбом [по римскому обычаю], их бороды подстрижены как у шутов, а их огромные сапоги – величайший позор для них».

могла избрать и короновать младшим королем еще при жизни отца. Долгое время сан короля, по крайней мере теоретически, был выборным, и монарха избирали знатнейшие люди страны. Но примерно к 1200 г. стало совершенно ясно, что Капетингу может наследовать только другой Капетинг, и выборы превратились в пустую формальность. Постепенно их заменила передача королевского сана по наследству. Между членами королевской семьи не было споров о наследовании престола и почти не было войн, которые могли бы еще больше ослабить королевскую власть.

Люди привыкли к мысли, что правителем Франции может быть только Капетинг. К тому же, хотя некоторые из этих королей-Капетингов были заурядными людьми, среди них не было ни одного совершенно недостойного править. А некоторые (причем те, кто был на престоле в самые критические периоды) были явно талантливыми правителями. Так что, если бы пришлось вычислять, пригоден ли кто-то из них для управления страной, величина «личные особенности» в таком уравнении в большинстве случаев была бы со знаком «плюс».

Еще одним решающим фактором было умение этих королей поддерживать дружеские отношения с церковью. В течение всего этого периода папы, как правило, были в ссоре с императорами Германии или открыто воевали против них. Для Рима это была дополнительная причина поддерживать хорошие отношения со вторым по надменности монархом христианского мира. Обычно феодалы притесняли своих соседей – епископов или аббатов, и король, как правило, приходил на выручку служителю церкви. А церковь охотно платила королю за такую защиту мощной моральной (а иногда и физической) поддержкой в его борьбе против вассалов.

Со временем незнатные низшие слои общества, в особенности жители городов, стали добиваться свобод для себя и своей местности, и король часто защищал их против их господ-баронов. Монарх получал за помощь вознаграждение в виде субсидий, которые эти новые подданные были рады ему платить, а деньги всегда означали власть. К тому же каждая потеря баронами части их подданных, разумеется, укрепляла монархию.

И наконец, нужно отметить, что, пока династия Капетингов продолжала существовать, многие феодальные династии угасли. Их уничтожили вражда между семьями, местные войны, Крестовые походы и многие подобные бедствия. Разумеется, король брал себе оставшиеся без господ лены, и мало было тех, кто посмел бы ему противоречить.

Вот как получилось, что молодая французская монархия наконец стала выбираться из имевшей печальный вид пропасти и подниматься к величию.

Однако прошло еще сто лет, прежде чем появились заметные признаки перемены к лучшему. Три короля, правившие после Гуго Основателя, были одними из самых ничтожных представителей своего семейства. Эти короли – Роберт (996—1031), Генрих I (1031–1060) и Филипп I (1060–1108) – все были слабохарактерными людьми, что было дополнительной трудностью вдобавок к основной, то есть к опасной ситуации, в которой им приходилось действовать. Владения Филиппа даже были немного меньше, чем у Гуго Капета. И вдобавок ко всем этим бедам в его царствование у парижских королей появился очень грозный соперник. Герцоги Нормандии с тех самых пор, как приняли христианство и поселились в этой провинции, были почти независимыми правителями. И вот в 1066 г. нормандский герцог Вильгельм Завоеватель сверг в Англии Англосаксонскую династию и стал в полной мере королем этой страны. Благодаря своей умелой и от важной политике Вильгельм держал Англию в руках гораздо крепче, чем его так называемый сюзерен – основную часть Франции. Было бы вполне естественно, если бы герцог Нормандии, став теперь независимым государем Англии, отказался от вассальной присяги парижскому королю и сбросил своего бывшего повелителя с престола силой оружия. Но этого не произошло. Вильгельм I умер в 1087 г., и его сыновья стали ссориться из-за его владений. Много боевой силы Нормандии утекло в Святую землю: лучшие нормандские воины отправились в Первый крестовый поход (1095–1099) и погибли в нем. Бла-

годаря этому Франция получила передышку и не была полностью разрушена, но угроза сохранялась. Пока герцог Нормандский имел огромное владение за морем, откуда мог привозить золото и воинов, какая надежда на неопасную жизнь могла быть у его «сюзерена» Капетинга? XII в. оказался по-настоящему критическим для Франции.

Монархия Капетингов спаслась от гибели и возвысилась отчасти благодаря разладу среди ее врагов, а отчасти благодаря милости Провидения, которое послало ей целых трех очень талантливых королей. Все они входят в число главных строителей Французского государства. Это были Людовик Толстый, Филипп Август и – последний в списке, но далеко не последний по значению – Людовик Святой.

У Людовика VI Толстого (1108–1137) неповоротливым было только тело. Могучие боевые кони стонали под тяжестью этого тучного, но сильного короля, когда он непрерывно объезжал свои владения, используя всю свою ограниченную власть, чтобы заставить своих подданных уважать королевские законы. Иль-де-Франс (королевские владения вокруг Парижа) были гуще всех средневековых провинций населены не признававшими никакого закона мелкопоместными дворянами, которые захватывали путешественников в плен, грабили их и держали в заложниках, чтобы получить за них выкуп. Они грабили имущество церкви и превратили весь Иль-де-Франс в ад, которому не было конца. Людовик нашел себе достойного восхищения министра и помощника – мудрого аббата Сугерия, который был одним из первых среди великих королевских администраторов, сделавших так много для создания Франции. Сугерий писал: «Долг королей – с помощью силы и прав, изначально принадлежащих их званию, подавлять дерзость дворян, которые разрывают государство на части непрерывными войнами, разоряют бедняков и уничтожают церкви». Для XII в. это были гневные слова. Господин Сугерия час то был вынужден позволять крупным феодалам, жившим за пределами его личных владений, поступать, как им хотелось, но он по меньшей мере стал хозяином в своем собственном небольшом доме. Разбойничьи замки один за другим были осажены и захвачены, и худшим из притеснителей был дан урок, который должен был запомниться надолго.

В своих войнах против крупных вассалов Людовик, конечно, не имел достаточно военной силы для крупных завоеваний, но все же он доблестно боролся за свои права, и борьба была не совсем напрасной. Силой оружия он удерживал нормандцев на расстоянии, но в 1124 г. Генрих I, герцог Нормандии и король Англии, заключил союз со своим зятем, императором Германии Генрихом V, и королю из рода Капетингов пришлось столкнуться с очень серьезной опасностью. Генрих Германский ввел большое войско в Восточную Францию и даже угрожал Реймсу. Именно тогда и вспыхнул первый сигнал, означавший, что французы объединяются в осознающий себя народ и могут совместно выступить против опасности, идущей из-за рубежа. Людовик VI отважно развернул великую орифламмю – огненно-красное шелковое знамя Французского королевства и созвал всех своих вассалов. Большинство из них охотно и отважно явились на зов короля. Великие князья-епископы прислали множество воинов. Граф Шампани и герцог Бургундии привели всех своих слуг, так же поступили главы многих менее значительных правящих семей. Собралась такая армия, что Генрих Немецкий не стал дожидаться исхода борьбы. Он не рискнул вступить в сражение и тихо вернулся домой, а Людовик получил огромный почет и в огромной степени усилил свое влияние. Все признали, что король Франции – не обычный верховный правитель-сюзерен, а священный глава «благороднейшего и христианнейшего народа французов», который назначен этому народу в защитники от чужеземцев. Благодаря своему новому престижу Людовик смог вмешаться в улаживание беспорядков в Оверни (провинции южных земель) и во Фландрии. В обоих случаях он вернулся домой с честью и, как он сам тогда говорил, показал, «что у королей длинные руки».

Другой вид деятельности Людовика был еще опаснее для высшей знати. Во всех городах Франции возникали «свободные коммуны». Горожане писали хартии, где перечисляли нужные им свободы, и требовали предоставления этих свобод от своих правителей. Это было начало

того движения угнетенной недворянской части общества, которое потом так сильно изменило мир. Король Людовик не слишком благосклонно относился к таким волнениям, если они происходили *внутри* королевских владений, но он был хитер и понимал, что такие действия за пределами его земель подрывают власть крупных феодалов – его соперников. Поэтому он использовал свое влияние, чтобы на чужих землях коммуны получали хартии от своих сеньоров. Это не значит, что ему нравились коммуны, но он не мог упустить случай нанести удар по своим крупным вассалам.

Когда Людовик VI умер (в 1137 г.), французская монархия была заметно сильнее, чем при его вступлении на престол (в 1108 г.). Нормандско-английская угроза не исчезла, однако король Франции очень удачно, как он считал, женил своего сына и наследника Людовика VII¹⁹ на Элеоноре Гиенской, наследнице большого лена Пуату и еще большего по размеру герцогства Аквитанского, в которое входила основная часть южных земель. Благодаря этому владения французских королей могли бы простираться до самых Пиренеев, и король стал бы несравненно сильнее любого из своих вассалов. Но, к несчастью, Людовик VI (1137–1180), хотя и не был совсем слабым человеком, был далеко не таким энергичным, как его отец. Он даже был таким «благочестивым, таким милосердным, таким доброжелательным, что, увидев его, можно было подумать, будто это не король, а какой-то добрый монах». Такой человек не соответствовал духу времени.

В 1149 г., возвращаясь из Палестины после завершившегося полным провалом Второго крестового похода, Людовик VII поссорился со своей жизнерадостной и не слишком благочестивой королевой. Вскоре он развелся с Элеонорой и честно вернул ей ее огромное приданое – почти все южные земли. Элеонора была еще пригодна для замужества, а ее богатства делали ее заманчивой целью для любого знатного поклонника. Вскоре она вышла замуж за Генриха Анжуйского и этим едва не погубила Францию. Ее новый муж был не только графом Анжуйским и герцогом Нормандским, в 1154 г. он стал королем Англии Генрихом II. Этот Генрих, получивший прозвище Плантагенет, был очень энергичным правителем, а его способности были почти равны его энергии. Теперь его владения во Франции были несравненно больше по размеру, чем владения его номинального сюзерена из Парижа. Генрих владел всей Англией и начал завоевание Ирландии. Сначала ему мешали напасть на Капетинга тяжелые ссоры в его собственной семье и то, что ему было трудно держать под контролем Англию. Но с этих пор в течение примерно пятидесяти лет над Французским королевством нависала как дамоклов меч угроза со стороны Анжу. Людовику VII не суждено было дожить до ее устранения.

Этот XII в., конечно, был временем, когда если не французские короли, то французский народ показал, как много в нем скрыто силы. Крестовые походы были в самом разгаре. Строго говоря, эти мощные военные движения, целью которых было освободить Палестину от мусульман, относятся к истории всей Европы, а не одной Франции. Но Франция была их главной родиной, она отправила в эти походы, вероятно, больше воинов, чем все остальные христианские государства, вместе взятые, и принесла столь же большие жертвы. В городе Клермон, в Оверни, в 1095 г. папа Урбан II впервые проповедовал свое «евангелие меча». И мощный хор голосов ответил ему громким криком: «Бог этого хочет!» Среди военачальников армии, штурмовавшей Иерусалим в 1099 г., почти все было французами, или нормандцами, или хотя бы уроженцами спорных земель Фландрии и Лотарингии²⁰. Христианское Иерусалимское королевство, существовавшее с 1099 до 1187 г., было почти рабским подражанием феодальной Франции на побережье Востока.

¹⁹ У Людовика VI был сын старше этого, Филипп, на которого он возлагал большие надежды. Но в 1131 г., когда этот юноша выезжал на коне из Парижа, «дьявольская свинья» (свиньи в средневековую эпоху постоянно разгуливали на улицах, пожирая отбросы) пробежала между ногами его коня и сбросила принца на землю. Он полученных повреждений Филипп умер.

²⁰ Кстати, некоторые из них – нормандцы, эмигрировавшие в Южную Италию и на Сицилию, – основали там герцогства, а затем перешли к более масштабным предприятиям в Сирии и Палестине.

В неудачном Втором крестовом походе Людовик VII был одним из главных участников, а из пяти последующих Крестовых походов, участники которых заслужили так много бесполезной славы, все, кроме одного (Пятого, 1228–1229), осуществлялись в значительной степени под французским руководством и с участием многочисленных французских отрядов. Эти экспедиции неизбежно привели к огромным затратам и страданиям. Разумеется, походы окончились неудачей потому, что крестоносцы, к сожалению, не знали условий, в которых нужно вести боевые действия на Востоке. Но выносливость и мужество крестоносцев были великолепны и стали свидетельством большого ума, энергии и широких возможностей формировавшегося французского народа.

Крестовые походы имели не только религиозные и социальные последствия. Их влияние не ограничилось тем, что вернувшиеся воины привезли домой из Палестины любовь к восточным шелкам, шербетам и другим утонченным удовольствиям и узнали там, как им усовершенствовать укрепления своих замков. Были и хорошо заметные политические результаты. Многие дворянские семьи перестали существовать: все их представители были убиты, а многие другие настолько обеднели из-за затрат, вызванных походами, что были вынуждены покинуть свои феодалы. В обоих случаях королевская власть постоянно оказывалась в выигрыше.

Кризис французской монархии произошел при сыне Людовика VII, Филиппе II, который за свои великие дела вскоре после воцарения заслужил себе высокое имя Филипп Август (1180–1223). Именно он больше, чем кто-либо, был творцом величия Франции. Когда он взошел на трон, само существование королевства было под вопросом. Когда он скончался, казалось, что Франции обеспечено будущее, полное побед. Поэтому он – одна из важнейших исторических фигур.

Правда, в наше время у него есть критики, которые не приходят в восторг от этого холодного, осторожного, расчетливого и твердого человека, который при необходимости мог быть львом, но всегда предпочитал роль лисицы. Он был не более неразборчив в средствах, черств душой и жесток, чем большинство его современников, и на его совести мало крупных преступлений. Современные ему хроникеры описывают Филиппа Августа без враждебности, почти дружелюбно: «Он был хорошо сложен и красив. Голова у него была лысая (после болезни), лицо приятное и румяное. Он любил веселье, вино и женщин, был щедр к своим друзьям и скуп с теми, кого не любил, был католиком (то есть благочестивым) в вере, дальновидным и упорным в решениях». Этому королю повезло: он правил очень долго и за это время увидел, как почти со всеми его врагами исполнилось то, чего он желал.

Генрих II, государь Англии, Анжу и Нормандии, не смог разорвать узы номинальной зависимости от Франции из-за раздоров в собственной семье и собственных владениях²¹. Война между ним и Филиппом шла с перерывами до 1189 г., когда новость, что сарацины вернули себе Иерусалим, заставила всех королей Европы на время забыть о вражде между собой и заняться подготовкой Крестового похода. Почти сразу после этого Генрих II умер. Его сын Ричард Львиное Сердце (король Англии Ричард I, прославленный в романе «Айвенго») был великолепным рыцарем и прекрасно командовал своими войсками в бою, но не имел политических и дипломатических способностей своего отца. В конце 1189 г. Филипп и Ричард как соратники направились в Палестину, чтобы вернуть Святой город. Они отправились в поход как друзья, но в пути поссорились, а их ссоры в то время, когда они находились в Сирии, во многом стали причиной неудачи несчастливой Третьего крестового похода. В 1191 г. Филипп с отвращением «умыл руки» в этом деле и поспешил обратно во Францию, как только был взят укрепленный город Акра. Ричард повел себя более достойно: он оставался в Сирии до 1192 г., пока не стало очевидно, что Иерусалим не будет отвоеван. Тогда он заключил переми-

²¹ Ричард Львиное Сердце очень точно сказал: «В нашей семье такой обычай – сыновья ненавидят отцов!»

рие с мусульманским султаном Саладином и тоже отправился домой. Однако, проезжая через Европу, он был предательски брошен в тюрьму своим врагом, герцогом Австрийским Леопольдом, и несколько лет провел в плену в Германии. Филипп же в полной мере использовал эти годы, чтобы интриговать против своего соперника вместе со всеми недовольными жителями анжуйских земель, подрывая его власть.

В 1194 г. Ричард снова вышел на свободу. Он был таким искусным полководцем, что сумел прекратить интриги Филиппа на пять лет, пока сам не погиб (в 1199 г.) от случайной стрелы при штурме замка в Южной Франции. Эта стрела определила многое в истории. Трудно сказать, как сложилась бы судьба Франции, если бы этому талантливому военачальнику было суждено прожить долгую жизнь. После Ричарда законным наследником, по меньшей мере части его владений, вероятнее всего, был его племянник, принц Артур. Но младший брат Ричарда Джон (король Джон, или Иоанн Английский, вероятно самый большой негодяй, когда-либо позоривший собой английский трон) протянул руки ко всем владениям брата. «Анжуйская» доля наследства, составлявшая его значительную часть, была разделена. Филипп, как сюзерен «обязанный вершить правосудие», поспешил встать на сторону молодого Артура и объявил, что тот имеет законные права на Анжу, Нормандию и Британию.

Джон был не совсем бездарным полководцем. Он нанес поражение Артуру, захватил того в плен, а потом довершил начатое дело, убив племянника. Теперь Филипп имел дело с совершенно ясной и точно определенной феодальными обычаями ситуацией. Джон убил наследника трех крупных ленов и незаконно захватил их, то есть «разорвал все узы вассальной верности». Поскольку подлинных наследников не было, эти лены возвращались в руки сюзерена. Джон был так жесток и так непопулярен у французских баронов, что большинство других вассалов Филиппа охотно поддержали короля Франции. А вассалы Джона часто сражались за своего сюзерена очень вяло или не сражались вообще.

Зимой 1203/04 г. Джон трусливо, как и следовало ожидать от этого труса, укрылся в Англии. Тогда Филипп усилил осаду большого замка Шато-Гайяр, вероятно самого мощного замка в то время. Ричард построил его на месте, имевшем первостепенную важность, чтобы перекрыть путь из Парижа вниз по Сене в Нормандию. Защитники сражались доблестно, но к ним не пришла помощь извне. Инженеры Филиппа прорвали одно за другим внешние укрепления Шато-Гайяра, и в апреле 1204 г. этот большой замок сдался. В июне того же года Руан, столица Нормандии, открыл свои ворота, и почти все бывшее герцогство норманна Ролло вскоре оказалось в руках Филиппа. После такой демонстрации силы было достаточно легкой прогулки французских войск по землям вдоль Луары в 1204 и 1205 гг., чтобы Мэн, Турень, Анжу и Пуату сменили сюзерена. К 1208 г. у Джона остались во Франции почти только Сентонж и Гасконь – часть прежнего Аквитанского герцогства в южных землях. Огромная когда-то Анжуйская империя почти исчезла.

Однако Джон не сдался без борьбы. В 1214 г. Филипп столкнулся с настоящим кризисом. Из-за выгод, получаемых от анжуйских земель, во многих регионах Франции начались мятежи, во многих ее частях у короля появились враги. Но главным было то, что из-за них император Германии Отто (иначе Оттон) IV вторгся во Францию через Фландрию. Вместе с ним в походе были почти все князья из нидерландских династий. Эти правители маленьких государств, чья верность всегда была ненадежной, не желали слишком большого усиления ни Франции, ни Германии. Опасность была велика. Сам Джон тоже начал вводить свои войска во Францию там, где граница проходила вдоль Луары, но Филипп созвал всех своих вассалов и получил значительную помощь от ополчений новых «вольных городов». Горожане старались показать, как они благодарны королю, своему защитнику, и как много пользы могут ему принести. Французы и немцы сошлись в бою возле моста у Бувина (между Лиллем и Турне). Это было средневековое сражение, когда противники просто бросаются друг на друга: в нем было мало полководческого искусства, зато много отваги. Филипп находился в самом центре битвы.

Немецкие пехотинцы стащили Филиппа с коня и едва не взяли в плен, но его рыцари обрушились на них и выручили своего короля. В конце концов северофранцузские рыцари своими неудержимыми атаками очистили поле и от немцев, и от их фламандских и английских помощников. Оттон в свою очередь тоже едва избежал плена и с позором бежал, оставив в плену у французов шесть графов и двадцать пять менее знатных баронов, а также множество рыцарей и простолюдинов.

Жители королевской столицы радостно встречали вернувшегося Филиппа. До нас дошел рассказ о том, как в день его въезда в Париж голоса духовенства, певшего *Te Deum*, смешивались со звоном колоколов и ревом труб. Дома были увешаны шторами и коврами, а улицы выстланы зелеными ветками и цветами. Все горожане, священнослужители и студенты университета с пением хвалебных песнопений вышли встречать короля. Это поистине была победа всего народа: ополчения коммун сражались так же отважно и сыграли в битве не меньшую роль, чем феодальные воины²². Французский народ находил себя и чувствовал, что полезен и силен. Поэтому битва у Бувина осталась в истории как одно из сражений, решавших судьбу мира.

Джон после своего поражения при Бувине быстро ускользнул обратно в Англию, не рискуя нанести противнику серьезный удар. Давнее наследство герцогов Нормандских было окончательно потеряно для него. Филипп примирил враждующие партии завоеванной им страны, действуя при этом с изумительным мастерством: он умел сделать так, чтобы завоевание не казалось обидным, и одновременно укрепить свою новую власть. Новшества, которые король Филипп ввел в управление более обширными теперь королевскими землями, показывают, что он был не только успешным воином, но и великим государственным деятелем. Не углубляясь в технические подробности, скажем, что он стал назначать должностных лиц высшего уровня, которые назывались *балы*, для надзора за королевскими чиновниками более низкого уровня – *прево* и для борьбы со злоупотреблениями и умело осуществил финансовые меры, благодаря которым смог нанимать в свою армию солдат²³ и выплачивать им стабильное жалованье, то есть не зависеть только от феодальных войск; этот король также явно благоволил новым «вольным городам», которые давали простор для действий и свободу людям из низов общества.

В 1223 г., когда Филипп Август умер, он оставил после себя королевство, в котором к личным владениям королей прибавились огромные территории от Пикардии почти до центра Аквитании. В 1180 г. его владения делились всего на тридцать восемь округов, во главе которых стояли *прево*, в 1223 г. во Франции было уже девяносто четыре таких *превоства*. Королевские доходы увеличились более чем в два раза. Феодалы дрожали от страха перед своим королем и твердо знали, что с этих пор они в лучшем случае лишь привилегированные могущественного монарха. Другими словами, в правление Филиппа Августа родилось великое государство Франция.

Кроме того, в это царствование был сделан важный шаг к тому, чтобы сделать область с центром в Тулузе, восточную часть южных земель, зависимой от Северной Франции.

Филипп не участвовал в этом процессе непосредственно, но ничего не делал, чтобы ему помешать. По словам историков, в этом цветущем краю с мягким климатом католическая церковь ослабила свою хватку и значительная часть населения заразилась «альбигойской» ересью

²² Вероятно, на самом деле битву выиграли рыцари, а не ополченцы из коммун, хотя некоторые не в меру старательные писатели настаивают на противоположном. Однако «простые горожане», должно быть, дали королю много доказательств того, что они важны для него на войне.

²³ Если наемникам аккуратно платили, их можно было использовать в боевых действиях весь год. А феодальные войска трудно было удержать вместе больше чем на два месяца, если только обстоятельства не были чрезвычайными или не было очень большой надежды на хорошую добычу. К тому же от наемников можно было требовать гораздо большей дисциплины, чем от феодальных отрядов.

– учением смешанного типа, которое было наполовину христианством, наполовину восточной мистикой и отвергало почти все ортодоксальные догмы. Поскольку мягкие меры, то есть старания победить ересь силами проповедников, потерпели неудачу, в 1207 г. великий папа Иннокентий III велел проповедовать «всеобщий Крестовый поход» против еретиков. Многие северофранцузские бароны были в восторге от его призыва: их звали воевать за веру в стране, которая находилась рядом и была полна добычи. С 1207 по 1218 г. очаровательные Прованс, Тулуза и другие области юга были полностью разорены, их города разграблены, рост местной цивилизации остановлен и было убито множество местных жителей, в том числе немало благочестивых католиков²⁴. Могущество графов Тулузских, когда-то независимых почти как короли, было почти полностью уничтожено.

В конце концов, пожар Крестового похода погас сам: его топливо выгорело. Еретики исчезли, а выжившие южане в отчаянии повернули оружие против захватчиков и прогнали большинство из них со своей земли. Но для того чтобы иметь хоть какую-то защиту от врагов, граф Амори Тулузский и южные бароны были вынуждены позвать на помощь короля Франции и поклясться, что будут его смиренными вассалами. При сыне Филиппа, Людовике VIII, почти вся эта огромная часть южных земель была полностью взята под королевский контроль. Теперь знамена Капетинга гордо развевались на всей территории от серых вод Ла-Манша до синего Средиземного моря.

Лувр при Филиппе Августе

Этот дворец, одновременно служивший крепостью, был намного меньше современного Лувра

Правление Людовика VIII (1223–1226) оказалось таким коротким, что он не успел оставить сколько-нибудь заметный след в истории своего времени. Он оставил трон своему сыну, которому при вступлении на престол было двадцать один год. Этот сын, Людовик IX (1226–1270), известный в более поздних летописях как Людовик Святой, стал следующим после Филиппа Августа главным творцом величия королевства Франции.

²⁴ В городе Безье некоторые из захватчиков не решались убивать всех без разбора и говорили, что не всегда могут отличить католика от еретика. Тогда фанатичный аббат монастыря Сито отдал приказ: «Убивайте всех. Бог узнает своих!» И этот приказ был исполнен.

Когда он официально вступил на престол, королевская власть столкнулась с угрозой, которая всегда была серьезной опасностью для любой феодальной монархии, – с регентством. Правление слабого регента, который ведет дела от имени малолетнего короля, стало бы настоящим расцветом для крупных баронов. Но все эти себялюбивые раскольники не учли, что им придется иметь дело с Бланкой Кастильской, талантливой и энергичной матерью короля. К тому времени, как ее сын вырос и стал править самостоятельно, она поставила феодалов на положенное им место. Король Англии Генрих III (сын Джона), мечтавший вмешаться в дела Франции, был разбит и прогнан домой, и власть французских королей над Тулузой, установленная Людовиком VIII, стала еще крепче. Мать и сын, видимо, всегда жили в полном ладу между собой и относились друг другу с полным доверием. Она много лет продолжала быть опорой власти сына, управляя Францией, когда он уезжал в Палестину или отправлялся в Крестовый поход. До самой ее смерти (в 1252 г.) трудно было сказать, кто первый человек в королевстве – она или король. Характер этой могущественной королевы-матери иногда кажется суровым и мужским, но никто не может отрицать, что она была очень талантлива и использовала свои большие способности на благо Франции. В ее лице мы видим, должно быть, первую из тех выдающихся женщин, которые сыграли такую большую роль в истории французской монархии.

В правление Людовика Святого произошло мало драматических или выдающихся событий, если не считать два его Крестовых похода (подробности которых выходят за пределы темы этой книги). Но он произвел огромное впечатление на своих современников. Его друг и боевой соратник, господин де Жуанвиль, оставил нам восхитительное описание жизни Людовика – наивный, но полный любви и, видимо, очень точный рассказ о личности и делах этого действительно *хорошего* человека. Биограф описывает его так: стройная фигура, большие голубые глаза, длинные светлые волосы и «манеры как у девушки». Но в его действиях не было ни капли робости, когда он отдавал под суд недовольных баронов, нарушавших его законы, или когда шел в бой, если его честные старания сохранить мир не приводили к успеху. В нем средневековая набожность сияла самым ярким светом²⁵.

Его благочестивая жизнь доказала, что можно было очень строго соблюдать правила относительно молитв и постов, заботиться о больных, собственными руками раздавать хлеб нищим, построить много церквей, больниц и других благотворительных учреждений и одновременно поддерживать закон и порядок в большом королевстве, прогонять со своей земли врагов, вводить справедливые законы и заставлять порочных людей дрожать от страха перед справедливым гневом короля.

В 1248 г. Людовик «принял крест», то есть отправился в Крестовый поход. Дух первых крестоносцев слабел в новых поколениях. Теперь люди уже не так сильно, как на сто лет раньше, хотели спасти свои души паломничеством в Иерусалим. Однако Людовик считал, что его долг – еще раз попытаться вернуть христианам Святой Город. Этот поход оказался таким же неудачным, как предыдущие. Король высадился в Египте, какое-то время отважно сражался там, а потом, в 1250 г., попал в плен к магометанам и освобожден только после того, как уплатил большой выкуп. Однако своим героическим поведением в плену он заслужил восхищение не только у всего христианского мира, но и у державших его в неволе египтян, которые, как утверждают, рассматривали возможность сделать его своим султаном, если бы он принял ислам.

В 1254 г. Людовик вернулся во Францию и в течение следующих пятнадцати лет посвящал себя заботам о счастье своего королевства. Он, несомненно, был самым могущественным монархом своего времени. До нас дошли восхитительные описания того, как он любил вершить

²⁵ Людовик казался таким безупречным, что его слуги, пытаясь найти в нем какие-нибудь человеческие слабости, были вынуждены довольствоваться замечаниями вроде «С ним было очень трудно иметь дело, когда он болел!».

правосудие и проницательно, умело и быстро судил как знатных, так и простых людей, сидя вместе со своими судебными советниками под дубом в королевском Венсенском лесу. Папы внимательно прислушивались к почтительным, но очень ясным и понятным советам, которые король иногда давал им по поводу их жалких споров из-за мирских проблем. Могущественные бароны просили его быть судьей в их спорах даже в тех случаях, когда по феодальным обычаям имели право обнажить свой меч. Беспокойные партии или члены династий в Англии и в Лотарингии (которая тогда еще не была частью Франции) просили его решать споры между ними. Все это означало, что король Франции добавлял к своему вещественному могуществу ту не поддающуюся точному определению, но часто непреодолимую моральную силу, которая возникает, когда земное величие, сила ума и высокий дух соединяются в одном человеке.

В государственных делах Людовик не был большим новатором, но он, не нанеся ни одного сильного удара по феодализму, постоянно укреплял авторитет королевской власти. Он употреблял все свое влияние, чтобы запретить или по меньшей мере сделать нежелательным «благородное право» решения судебных дел поединком, когда переданное в суд дело решалось сражением между защитником одной стороны и защитником другой, а не честным путем предоставления доказательств судье, который, рассмотрев их, выносит приговор. Была создана система королевских судов, устроенная так, что люди легко могли обращаться в эти суды для пересмотра решений, вынесенных судами их сеньоров. Со временем (во всяком случае, при рассмотрении важных дел) «суд сеньора» стал лишь номинальным и предварительным перед тем, как дело передавалось «королевскому правосудию». Таким образом, Франция была подчинена единой системе судов, что еще больше объединило страну. Еще одним шагом к объединению государства, и даже шагом по более прямому пути, была другая мера Людовика. Он реформировал систему чеканки королевских денег и положил в ее основу новые, честные принципы. С этого времени королевские монеты были в обращении на всей территории королевства. А жалкие маленькие монетные дворы баронов из-за коррупции и неодинаковых стандартов чеканили монеты, которые были в ходу только во владениях выпустившего их сеньора. Разумеется, хорошие деньги короля быстро вытеснили из обращения плохие деньги феодалов. Невозможно даже подсчитать, какое огромное значение это имело для развития экономической жизни Франции.

Авторитет и престиж монархии Капетингов неизмеримо выросли за сорок четыре года правления этого гениального человека – мудрого, отважного, энергичного и искренне набожного. Людовик IX был идеальным королем-христианином XIII в. Даже злключения в Египте, казалось, были посланы этому королю Небом для того, чтобы ярче были видны его добродетели. Еще при жизни его стали называть святым, и смерть Людовика усилила этот ореол святости. В 1270 г. король Франции снова отправился в Крестовый поход, хотя все его приближенные – люди с большим жизненным опытом – настойчиво отговаривали его от этой войны. Европа устала от Крестовых походов, и только огромное личное влияние короля помогло собрать и отправить в путь на кораблях большую армию. По пути в Палестину это войско высадилось возле африканского города Туниса, чтобы усмирить его правителя, мусульманского князя, который угрожал Сицилии. Вскоре в лагере крестоносцев началась чума, король заболел и после короткой болезни умер (в том же 1270 г.). Разумеется, поход сразу же был прерван, и армия вернулась во Францию с гробом любимого монарха. Современники единодушно считали этого правителя святым, и в 1297 г. (необычно короткий срок для католической церкви) Людовик был положенным образом канонизирован в Риме и его имя внесено в календарь. С этого времени французские короли могли гордиться тем, что в их роду были не только государственные деятели и воины, но и святой, признанный церковью, достойный равняться с мучениками, святыми епископами и вдохновенными богословами. Пока в умах и душах людей сохранялся дух Средних веков, это было огромной выгодой для династии Капетингов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.